

18+ JONATHAN
LEAF

**ЧТО СКРЫВАЮТ
«БАГРОВЫЕ ЛИСТЬЯ»?**

Jonathan Leaf
Что скрывают
«Багровые листья»?

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72531709
ISBN 9785006806771*

Аннотация

«Багровые листья» – непростая книга. Вы можете возразить, сказав, что каждый автор называет свое произведение особенным. И да, возможно, так оно и есть. Но все, что я могу предложить вам, – это историю о человеческих судьбах, о борьбе человека с самим собой, о столкновении идеологий, о любви, дружбе и последствиях тех выборов, которые мы совершаем каждый день.

Содержание

Багровые листья. Пролог	5
Глава 1 – Начало	8
Глава – 2. Мальчик на ступенях	22
Глава – 3. Забытые призраки прошлого	27
Глава – 4. Сомнительные перспективы	41
Глава 5 – Один билет в будущее	59
Глава 6 – По ту сторону двери	76
Глава 7 – Шаг за горизонт	96
Глава 8. Подарок на Рождество	112
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Что скрывают «Багровые листья»?

Jonathan Leaf

© Jonathan Leaf, 2025

ISBN 978-5-0068-0677-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Багровые листья. Пролог

Эта книга писалась довольно долго. Идея этой истории долгие годы боролась с моим разумом за право существовать в этом мире. Но вот мы с вами – здесь.

«Багровые листья» – непростая книга. Вы можете возразить, сказав, что каждый автор называет свое произведение особенным. И да, возможно, так оно и есть. Но все, что я могу предложить вам, – это историю о человеческих судьбах, о борьбе человека с самим собой, о столкновении идеологий, о любви, дружбе и последствиях тех выборов, которые мы совершаем каждый день.

Jonathan Leaf

Глава 1 – Начало

15 октября 2023 года.

Англия, Восточный Йоркшир, перекресток центральных улиц.

Йорк, 8:44 утра

Непрекращающийся дождь заливал ещё спящие улицы города. Унылое серое утро держалось целую неделю, вызывая уныние и тоску. Повсюду стояли лужи, создавая пробку из спешащих прохожих и усиливая раздражение горожан. В такую погоду лучше всего спрятаться в уютном пабе, коротая время за кружечкой ароматного йоркского эля.

Именно туда вошёл взрослый мужчина среднего возраста. Мокрые волосы и промокшая одежда говорили сами за себя. Вода стекала крупными каплями с кончиков волос и мочек ушей, попадая на влажные плечи коричневого плаща. Казалось, будто он намеренно намочился перед входом в популярный среди местных жителей паб – «Younger Hands». Несмотря на ранний час, заведение оказалось заполнено лишь наполовину, но мужчина успел привлечь неодобрительные взгляды нескольких посетителей своим громким топотом и оставляемым за собой мокрым следом.

Паб идеально подходил для разных слоев населения. Местный эль был превосходен, несмотря на характерную по-

началу горькую нотку, отпугивающую настоящих ценителей. После пары-тройки глотков большинство оценивших напитков начинали воспринимать его вкус иначе.

Однако мужчина пришёл сюда вовсе не ради напитка. Глаза выдавали напряжённый взгляд: он кого-то искал. Наконец, поиски завершились успехом. Решительно пройдя через зал, мужчина приблизился к угловому столу, занятому молодыми человеком примерно двадцатилетнего возраста.

Парень выглядел отталкивающе и небрежно. Длинные жирные пряди волос свисали спутанным клубком, почти закрывая половину лица. Сквозь очки, перевязанные голубой изолентой, едва проглядывался бледный взор, прикрывающий тусклые серые глаза. Стол был заставлен пустыми пивными стаканами и старым запylённым ноутбуком, испачканным грязью и глубокими царапинами. Мальчишка судорожно печатал, издавая звонкий треск клавиш, каждая из которых, казалось, готова была выскочить из гнезд.

Его худощавое тело источало едкий кислый запах пота и старые затхлые медицинские повязки. Кожа парня лоснилась жирным блеском даже в полутёмном освещении заведения.

Мужчина уверенно занял стул рядом с ним, терпеливо ожидая, пока тот отвлечётся от монитора.

Несколько секунд ушло на подготовку паренька к диалогу. Напрягая левую ногу под столом, он нервно прошептал:

– Здравствуйте... – голос дрожал и звучал неуверенно.

Мужчина тут же ответил, устанавливая прямой зрительный контакт:

– Приветствую. – Затем внимательно всмотрелся в лицо молодого человека, пытаясь разглядеть знакомые черты, которые раньше оставались незамеченными.

Сделав паузу, мужчина продолжил негромко:

– Я давно ищу тебя... И теперь нашел. Тебе необходимо выслушать мою историю. С самого начала и до конца.

Костыли мальчика, стоявшие за спиной, начали предательски съезжать и этим обратили на себя внимание.

– Простите?.. – произнес подросток, лихорадочно думая, как бы избавиться от незваного гостя.

Глаза мужчины слегка сузились. Он почувствовал затруднения в попытке наладить контакт, но решил продолжить настойчивее:

– Дональд, послушай меня внимательно!

Подросток резко поднял голову, сквозь линзы толстых очков появились удивленные выпуклые глаза.

– Извините... – нерешительно начал мальчик. – А мы вообще знакомы? – Стук клавиш прекратился.

Улыбнувшись сдержанной, немного застенчивой улыбкой, мужчина извинился:

– Прости, невежливо получилось. Давай начнём сначала. Меня зовут...

Протянув вперёд правую руку, покрытую множеством тёмных шрамов и багровых пятен, он добавил:

– Генри Бейкер.

Мальчик ощутил дискомфорт от вида чуждой руки, но вежливость взяла верх над инстинктом самосохранения. Осторожно пожимая предложенную ладонь, он назвал своё имя:

– Дональд Биссет.

Едва заметив лёгкий американский акцент, парень насто-рожённо наблюдал за новым знакомым, испытывая двой-ственное чувство тревоги и любопытства одновременно.

– Позвольте начать, – вежливо попросил Генри и начал свой монолог.

– Меня зовут Генри Джозеф Бейкер. Родился 20 апреля 1973 года.

Всю свою юность провёл в Бруклине, штат Нью-Йорк. В этот момент лицо собеседника выражало явную непри-язнь. Зубы скрипнули. Было очевидно, что Дональд вовсе не собирался тратить утреннее время, слушая разглаголь-ствования мужчины с очевидным дефицитом внимания.

Со времён раннего детства мы обитали в большом двух-этажном доме, называемом «дуплекс». Нас приютила тетуш-ка – Дебора Милз, старшая сестра моего отца. К сорока го-дам ей удалось добиться успеха в жизни, накопив некото-рое состояние и приобретя небольшую коллекцию недвижи-

мости по всему городу. Это была суровая, целеустремленная женщина с нестигаемым характером и бесконечным запасом энергии. Противоположностью ей являлся мой отец – Мэтью Морган Бейкер. Сложнейший человек, которому самые элементарные дела давались огромным усилием. Записаться к доктору, пойти на почту или выбрасывать мусор. В се это стоило невероятных трудов. Толпы раздражали его до крайности. Без сомнения, отец отличался крайней ленью и отсутствием ответственности. За тридцать лет сменил десятки рабочих мест. Постоянные скандалы и споры превратились в привычную рутину дома. Он предпочитал оставаться верным своим устоявшимся привычкам:

Ежедневно проходил одним маршрутом, носил одинаковую одежду, пил одно и то же пиво. Общение с окружающими людям отцу давалось крайне тяжело. Часто мы спешили перейти на противоположную сторону улицы, лишь бы избежать случайной встречи с коллегой, соседом или кем-либо, кому отец задолжал деньги. Редким случаем было посещение парка, куда отец приводил меня. Иногда забирая меня из детского сада, он покупал мне мороженое. Несмотря на всю дистанцированность, он неизменно крепко держал меня за руку. Теплое ощущение, когда крупная ладонь покрывает твою маленькую детскую ручку, навсегда запечатлелось в моей памяти на всю жизнь. Казалось, рядом с отцом я чувствовал себя защищенным. Но объятий, поцелуев или признаний в любви он мне никогда не дарил.

Моя мать, Рэйчел, была значительно младше отца. Некоторое время она надеялась на поддержку мужа, однако вскоре решила самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Устроившись уборщицей в клининговую компанию. Заработок был мизерный, зато появилась возможность увидеть, как живет привилегированный класс общества. Уже спустя несколько месяцев руки матери заметно огрубели, появились пятна от агрессивных чистящих веществ. Ее нежная красота начала увядать под воздействием химии. Ночами я нередко слышал приглушенные рыдания сквозь тонкую стену, исходящие из родительской спальни. Порой отец подходил к жене и произносил сухие утешения:

– Рэйчел, я обещаю... Ты молодец. Но его слова улетучивались подобно легкому ветерку. Семидесятые годы в Америке оказались непростыми временами. Энергетический кризис привел к экономическому спаду, рабочие места исчезали, зарплаты становились минимальными.

Семейные ужины проходили молча: отец смотрел телевизор, я сидел на полу, играя с игрушечной машинкой, катаясь ею вдоль стены детской комнаты. Возвращавшаяся поздно ночью уставшая мать замыкалась в спальне, предпочитая одиночество шумному обществу. Позже она спускалась на кухню, распространяя аромат косметических средств и лосьонов. Ужин состоял преимущественно из консервированной фасоли или кукурузы, редко – купленной мамой пиццы или лакомства, которое удавалось прихватить с работы.

Детство оставляет немного ярких воспоминаний, сохраняются лишь отрывистые фрагменты прошлого, затухающие с годами. Но тот конкретный вечер врезался в память ярко и отчетливо. Спустя сорок пять лет он периодически возникает в моих мыслях, будто событие случилось буквально вчера. Однажды вечером мать пришла домой с дорогой коробкой конфет, которую наша семья позволить себе не могла. Конфеты с молочным шоколадом, орехами, кокосовой стружкой и хрустящей вафелькой внутри. Мать обычно строго ограничивала сладкое, позволяя максимум две штуки, но в этот раз подарила целую коробку, предложив съесть столько, сколько хочется. Впервые за долгое время она искренне улыбалась, и просидела со мной рядом смотря мультфильмы допоздна. Легонько гладила меня по волосам. Руки ее пахли едкой хлоркой, но я не делал замечания. Время неумолимо двигалось вперед, стрелка часов показывала половину двенадцатого. Мой рот раскрывался от непрерывной зевоты, родители решили отправить меня спать.

– Иди-ка, Генри, отправляйся в кровать, – мягко произнесла мать. Однако, едва я добрался до середины лестницы, она резко позвала снова:

– Генри! – негромко прозвучал голос снизу. Наши взгляды пересеклись. Милая улыбка осветила ее усталое лицо.

– Спокойной ночи, сыночек, – добавила она серьезно, но ласково. Мои щеки зарделись смущением, я ответил взаимной улыбкой и поспешно убежал наверх, громко стуча но-

гами и хлопнув дверь. Быстро забравшись в кровать, погрузился в мечты о гигантских теньях-динозаврах, бродивших по стенам моей комнаты. Затем я долго ворочался, никак не могу уснуть.

Тишину нарушил тихий шелест дождевых капель, становившийся все интенсивнее. Монотонный звук успокаивал, погружая меня в сон. Уснуть окончательно помешал резкий шум снизу. Обычная очередная ссора... Тогда это показалось совершенно естественным. Дверь квартиры резко захлопнулась. Шум пробудил любопытство, заставляя меня подняться с постели и подойти к окну. Оно выходило прямо на улицу. Все окна давно нуждались в очистке от уличной пыли, разве что дождь ненадолго открывал вид на город. Включив лампочку, я увидел высокую женщину в новом светло-коричневом пальто, ожидающую кого-то возле нашего дома. Ее голова была накрыта ярким желтым платком. Такой наряд выглядел здесь странно и чуждо. Образ притягивал мое внимание своей необычной красотой. Около нее стояли два небольших чемодана и маленькая красная сумочка. Скоро хлесткий дождь начал портить ткань пальто, оставляя темные следы влаги. Женщина осмотрелась по сторонам, затем сделала глубокий вдох и направилась к подъехавшей машине. Простое желтое такси остановилось около нашего дома. Из автомобиля вышел чернокожий водитель в черной кожаной куртке, бросив сумки в багажник и распахнув пассажирскую дверь. Машина издавала громкую музыку, звуки

которой эхом отражались по округе. Женщина замешкалась, дотронувшись рукой до двери авто. Затем резко обернулась в сторону окон, встретившись взглядом со мной. Это была моя мама. Без колебаний я вскарабкался на стул, приставленный к подоконнику, и, наконец, смог выглянуть наружу.

– Маааама! – отчаянно закричал я, махая руками в надежде привлечь ее внимание.

Спустя все эти годы, я до сих пор уверен, что она видела меня. Она смотрела прямо на меня, а я – на нее. После короткой паузы она села в машину и громко хлопнула дверью автомобиля. Возможно, таким образом она выплеснула нахлынувшие чувства, а возможно, это всего лишь фантазия ребенка, желающего так думать. Брызги грязи, скопившиеся

на двери, разлетелись на несколько метров. Это было заметно даже в сильный ливень.

Водитель плавно тронулся с места и свернул налево. Даже с высоты второго этажа отчетливо был слышен скрежет старых шестеренок, исходящий из-под днища старой проржавевшей машины. Автомобиль медленно отъезжал от нашего дома, вскоре видны остались лишь тусклые огни задних фар. Вскоре и они исчезли, словно машина вовсе не существовала.

В доме погас свет сначала на первом этаже, потом и в моей спальне.

Это был далеко не первый случай, когда кто-то из родителей уходил ночью после очередной ссоры. Мне хотелось пойти вниз, в туалет, но стоило открыть дверь комнаты, как уши настиг резкий звук, мгновенно парализовавший мое тело. Из кухни раздалось протяжное рыдание. Казалось, оно длилось бесконечно. Тогда я еще не представлял, что человек способен издавать подобные душераздирающие звуки. Темнота наполнила дом вопросами, на которые я искренне не хотел получать ответы. Постепенно стоны сменили тон, обретая новые оттенки боли.

Спустившись осторожно вниз, я увидел фигуру отца, застывшего над кухонной мойкой.

Отец оставался неподвижным довольно долгое время. А я присел тихо на лестничной площадке, наблюдая за ним.

Но тут легкий ветерок с улицы захлопнул дверь моей

спальни – грохот прозвучал подобно стартовому пистолету на беговой дорожке. Испугавшись, я поспешил вниз и оказался рядом с отцом на кухне.

Фонарь на улице слабо освещал массивную фигуру родителя. Комнату наполнял густой табачный дым. Правая рука отца покоилась в куче горячего пепла, источая мучительную боль каждую секунду. Почувствовав мое присутствие, он быстро включил воду и попытался скрыть свое состояние за слабой струёй холодной воды.

Дыхание его было тяжелым и неровным:

– Г-г-генри... – растерянно произнес он, делая вид, что занимается уборкой на кухне. – Почему ты еще не спишь?

Получив молчание в ответ, он наконец обернулся. Его взгляд говорил гораздо красноречивее любых слов. Они были полны невыразимой боли и страдания, которые нельзя было скрыть.

Некоторое время отец находился в каком-то странном забытии, неспособный связать мысль и слова.

Ощущая кожей тяжесть происходящего, я понял, что случилось нечто важное, перевернувшее мою жизнь. Однако в своем детском сознании я совершенно не осознавал сути происшедшего. Единственным моим чувством тогда стала примитивная тревога перед неизведанным будущим, сковавшая сердце ледяной цепью страха.

К этому моменту дождь прекратился. Отец устало отряхнул влажные ладони и начал медленно подходить ко мне. По-

ложив тяжелую руку на мою макушку, он опустил на колени. Его лицо покраснело от слез, а дыхание пропитано запахом крепкого табака. Очевидно, он не имел представления, как объяснить произошедшее маленькому ребёнку, совершенно неподготовленному к взрослой действительности.

Еще один глубокий выдох сорвался с его губ, а затем отец произнес фразу, которую я запомнил навсегда:

– Твоя мама ушла... И она больше никогда не вернется...

Наступила долгая пауза, наполненная напряженным ожиданием. Наконец, собрав остатки сил, отец продолжил говорить, однако каждое следующее предложение звучало тише и неразборчивее предыдущего:

– Я... не знаю, что добавить. Мы с тобой почти не общались... Ты еще такой маленький, чтобы понимать происходящее. Сейчас мне трудно донести до тебя смысл произошедшего... Но одно запомни, сынок: ты абсолютно ни в чем не виноват. Всё это – сделал твой папаша. Я не смог справиться. Прости, если можешь.

Закончив речь, отец крепко обнял меня, едва касаясь моего тела. Его руки заметно тряслись, а слезы капали прямо на моё ухо. Следующий приступ эмоций окончательно сломил его. Он судорожно прижимал меня к себе, отчего мои кости прохрустели под давлением объятий.

– Что же нам теперь делать! – неожиданно выкрикнул он, заливаясь горькими слезами. – Что же нам делать-что же нам делать?!

Этот отчаянный крик заставлял сердце сжиматься от ужаса. Вид плачущего взрослого человека был страшен и непомерно велик для детского восприятия. Мочеиспускание само собой вышло наружу, оставив меня беспомощным и молчащим.

Отцу хватило одного взгляда, чтобы заметить случившееся. Остановив попытку разговора, он неловко поднял меня на руки и отнес в ванную. Несмотря на свой возраст, я уже умел мыть себя самостоятельно, но отец настаивал на помощи. Он аккуратно вымыл меня, вытер, закутал в мягкое полотенце и отвел обратно в кровать.

Уложив меня в постель, отец присел на краешек кровати и терпеливо дожидался момента, когда я усну. Больше он ничего не мог предпринять.

В ту ночь, когда город заполонил запах мокрого асфальта, в доме, по адресу Юнион стрит 34, двое несчастных всё же смогли пережить эту ночь, одну из худших ночей своей жизни.

Глава – 2. Мальчик на ступенях

Проснувшись следующим утром, мне было не вполне ясно, что именно произошло прошлой ночью.

Однако, чем дольше я об этом думал, тем яснее представлялся произошедшее. Постель была влажной и липкой, вызывая неприятные ощущения. Собравшись с силами, я сумел подняться с кровати. Усевшись на её краешке, стал внимательно вслушиваться в звуки вокруг.

Отец, услышав мой шум, достаточно расторопно поднялся ко мне в комнату. Открылась дверь, и появился знакомый Мэтью Бейкер, который привычным для себя тихим голосом спросил:

– Проснулся?

Говорил он, даже не взглянув на меня.

– Спустись вниз, позавтракай.

Дальше подобный разговор повторялся у нас изо дня в день, вскоре превратившись в унылую рутину. Кухонные блюда стали однообразными и безвкусными. Через некоторое время, отец сдался и принялся заказывать еду на дом. Средства таяли стремительно. Ещё спустя два-три дня отец вошёл в мою спальню незадолго до сна, что было необычно для него, и сообщил:

– Начни собираться, через пару дней мы уезжаем отсюда.

Мы больше не могли позволить себе жить в доме на посо-

бии отца. Хотя жилище фактически принадлежало его старшей сестре, оплачивать расходы мы должны были в полной мере. Оплату следующего месяца следовало внести буквально вот-вот, поэтому отец принял решение немедленно покинуть это место. Сбор вещей занял меньше двух суток. Нам было нечего брать с собой, кроме нескольких сумок да велосипеда отца.

Утро третьего дня началось с того, что отец выставил меня на крыльцо и строго наказал ожидать его возвращения. День выдался тёплым и солнечным. Куда мы отправляемся, я не имел представления. Мелькнула лишь мимолётная мысль, что в месте куда мы направимся будет большой телевизор и много-много игрушек.

Сидя на крыльце, ощущая тепло ласкового ветра, внезапно громко прозвучавший голос нарушил спокойствие моих мыслей.

– Мальчик... «Ты случайно не Генри?» – спросила какая-то незнакомая женщина. – Что ты делаешь здесь так рано?

Передо мной стояла полная фигура женщины, загородившая почти весь поток света.

Отвечать я не спешил, лишь молча наблюдал, слегка прищурив глаза.

Её губы едва заметно растянулись в лёгкой улыбке.

– Вот оно что значит молчун вроде твоего папаши. Я твоя тётя Дебора, припоминаешь? – говорила она без всякой при-

ветливости.

Взглянув чуть повыше, я неуверенно пробормотал единственное слово:

– Здравствуйте...

Она не выглядела угрожающе или недоброжелательно, но её присутствие казалось крайне неудобным, всё моё естество хотело сбежать от неё подальше.

– Ну и чего сидишь тут один, наказание какое-то? – вновь поинтересовалась она резко и громко. Потом нахмурившись, прибавила:

– Да ещё и с вещами...

Так и не получив ответа, женщина решительно двинулась внутрь дома, выразительно хлопнув дверью.

Время ожидания тянулось бесконечно долго. Мне стало смертельно скучно. От скуки начал разглядывать прохожих. По улице медленно проезжали красивые автомобили, редкие мужчины с усами прогуливались в сопровождении элегантных спутниц. Никто из них не замечал меня, словно, меня здесь и не было.

Звонкий голос тёти снова привлек моё внимание. Взяв меня за руку, она пристально осмотрела меня своим холодным взглядом:

– Генри, хватай свою сумку и иди обратно домой!

Услышав это, ноги сами повели меня назад в дом, а огромная тень моей тётушки, перекрывшая солнце, сопровождала меня до самой двери. Возле входа стоял отец, синяя сумка

висела на его плече, а выражение лица отражало подавленность и усталость.

Позже выяснилось, что отец вообще не говорил ей о нашем положении. Видимо, предпочитал избежать морализаторских наставлений и собирался незаметно исчезнуть вместе со мной. Но судьба распорядилась иначе, случайное появление тёти помешало моему отъезду в неизвестность.

– Генри... – начал отец, печальным голосом.

Но тут его резко оборвала тётушка:

– Отец собирается немедленно искать работу! Мы временно будем жить вместе, понимаешь?

Обратилась она, натягивая на лицо фальшивую улыбку.

Сам отец не испытывал никакого желания оставаться здесь. Каждый жест, каждая черточка его лица говорили о его желании поскорее убраться отсюда. Только боязнь старшей сестры удерживали его от поспешного ухода.

– Мэтью, попрощайся с сыном и уходи. – Теперь голос звучал тише, словно стараясь не напугать ребёнка и позволить правильно проститься.

Отец бросил сумку и опустился на одно колено.

– Генри, мне срочно нужно уходить. – Его взгляд постоянно перепрыгивал на Дебору, стоящую у меня за спиной.

– Я хочу пойти с тобой! – жалобно прокричал я, бросив недовольный взгляд на тётушку.

Он тяжело вздохнул.

– Я не смогу взять тебя с собой, – заметил он, покосившись на фигуру своей грозной сестры, возвышавшуюся над нами. – Но не волнуйся, мы обязательно встретимся. Позже.

Затем погладил меня по волосам, схватил сумку, вскочил на свой серый велосипед и свернул за угол ближайшего здания, не оглядываясь ни разу.

«Позже», пожалуй, самое беспечное слово, которое вовсе не подразумевает определённости. Для меня лично оно означало – «никогда».

Глава – 3. Забытые призраки прошлого

Первые дни.

Первое время мы притирались друг к другу. До нашей встречи на улице я никогда не видел тетю Дебору, хотя она утверждала обратное. Скажем прямо, мы были чужими людьми. Поэтому, в некотором смысле, знакомство приходилось начинать сначала.

Уже в первую неделю Дебора с невероятным энтузиазмом принялась водить меня по разным местам:

Музеи, кинотеатры, детские развлекательные центры. Другому ребенку такие прогулки принесли бы массу радости, но тогда я думал только о родителях, скучал по ним. Однажды, гуляя по зоопарку, мы подошли к вольеру со слоном. Впервые в жизни я дотронулся до его хобота, но ничего не почувствовал. Я был опустошён. Казалось, что-то важное исчезло и вряд ли вернется.

Однако, в тот день мне заполнилась одна фраза, сказанная тётушкой. Она увидела мой настрой, отвела меня подальше от слона и сказала:

– Генри, твои родители оказались непорядочными людьми. Но, я скажу тебе главное: я никогда не стану твоей

мамой. Запомни это. Любить не обещаю, но воспитать и поставить тебя на ноги обещаю.

Эти слова почему-то облегчили мое состояние. Тетя Дебора оказалась удивительно мудрым человеком. Она искренне интересовалась моими чувствами и мечтами, учитывала мнение с первых дней нашего знакомства. И никогда не покупала мне сладостей, если я того не просил. Наверное, пытался приучить меня делать самостоятельный выбор. Постепенно во мне развивалась самостоятельность, столь необходимая моему отцу. Впрочем, несмотря на старания тети, повседневная жизнь редко приносила мне радости. Танцевальные кружки, занятия живописью, немецкий язык, игра на трубе, в которую не хватало дыхания, – интересы угасали быстрее фитиля свечи. Наконец, после множества неудачных попыток Дебора махнула рукой и обозвала меня лентяем. Несмотря на отсутствие общения с отцом, слухи о его жизни доходили до меня с завидной регулярностью. Иногда Дебора разговаривала с ним по телефону, ругалась и отчитывала, а порой передавала мне и мне телефонную трубку. Каждое наше общение было сухим и предсказуемым, никаких воспоминаний. Время проходило, и постепенно его редкие звонки перестали радовать, вызывая лишь лёгкое раздражение.

Год за годом воспоминания о любимом родителе меркли, пока от них не осталось и следа. Образ отца растворился, превратившись в неясный, слегка раздражающий силуэт. Ко-

гда мне исполнилось девять, я понял, что больше не ждал его возвращения. Дебора настаивала на обратном, но все эти разговоры были пусты.

Утро 21 апреля 1991 года

Первое утро после восемнадцатилетия. Странный звук из коридора вырвал меня из объятий сна. Быстро открыв глаза, я увидел, как Дебора выглядывает из дверей моей комнаты.

– Вставай, – заявила она, уверенно установив зрительный контакт. – Тебе предстоит встреча с отцом. Через четверть часа выезжаем.

Этой новости хватило, чтобы мгновенно разогнать остатки сна. Отец постепенно исчезал из моей жизни. К восемнадцати годам я уже не помнил, как звучит его голос, не помнил его запах и не был уверен какой у него цвет глаз. Наши встречи были очень редкие и приходились в основном на первые годы, когда я начал жить с тётушкой. Я не видел его больше десяти лет, а теперь... Зачем мне всё это надо-?

Несколько лет никто не говорил о нем. Однажды Дебора сообщила, что отец вступил в Корпус мира, намекая, что я должен гордиться им. Разумеется, это была неправда. Отец заботился только о собственных интересах, и ничто не могло изменить такого человека.

Однако поездка состоялась. Я быстро собрал вещи, даже не почистив зубы, потому что лень взяла верх. Минуты шли быстро, и уже через десять минут мы двигались на север го-

рода, направляясь в район Бронкс.

Дом, где остановился отец, выглядел удручающе. Потрепанная штукатурка, облезлые стены, большинство окон отсутствовало либо было забито фанерой. Неприятный запах разложения витал в воздухе, усиливающийся с приближением к зданию.

Машина остановилась, Дебора выключила двигатель и расстегнула ремень безопасности.:

– Нужно будет перетерпеть – мягко сказала она, глядя меня по голове. – Сейчас он совсем плох. Тебе нужно подготовиться. Наверное, зрелище будет неприятным, но я считаю, что вам важно встретиться. Последние слова звучали отчетливо, в них читалась прямота и убежденность.

Настроение стремительно ухудшалось. Вопрос возник сам собой:

– Чем он заболел? – произнес я язвительно, сомневаясь в правдивости происходящего.

Дебора мгновенно отреагировала твердым голосом:

– Рак желудка последней стадии. Позавчера его вырвало прямо на меня. Уже не ест почти ничего. Рано или поздно придется принять реальность.

Она продолжила пояснять, понимая, насколько серьезна ситуация:

– Времени у него остается очень мало, максимум пара недель. Заботы на ближайшие дни будут очень интенсивными, дел полно. Прошу тебя поддержать меня в таком важном

деле. Глядя ей в глаза, я осознал всю серьезность ситуации.

Минуты бежали неумолимо. Подходя к квартире номер тридцать три, расположенную на втором этаже, ощущение тревоги нарастало. Нервничая, я не мог заставить себя войти первым. Дебора мягко толкнула меня вперед:

– Заходи уже.

Войдя в помещение, дыхание перехватывало от едких неприятных запахов. Прихожая была загажена мусором, пахло гнилью и нечистотами. Окружающая обстановка порожила панику.

– Еще минуту-другую подождем. – Сказала Дебора.

В его комнате находилось медсестра, ставившая ему капельницу. Поставив пакет с раствором, она ушла, не выдержав запаха.

Десятки пустых бутылок, сотни пачек сигарет и коробок из-под пиццы сложенные в стопки. Слегка наступив ногой на хрустящую упаковку из-под чипсов, из неё выскочил огромный таракан, стремительно бросившийся в узкую щель между половицами.

– Через пару минут ему станет легче... – раздался голос медсестры, стоящей в коридоре.

Полумрак прекрасно скрывал фигуру мужчины, лежавшего на кровати. Подойдя и осторожно опустившись на табурет рядом, я почувствовал, как внутри меня пробежал холодок, стало тревожно. Оцепенев, словно испуганный зверь мне ничего не оставалось кроме как ждать, проявить терпе-

ние.

Прошло две-три минуты. Медленно нарастающая внутри меня надежда стала угасать: он не просыпается. Быть может, это к лучшему? – думал я про себя – может, не придется отодвигать эту грязную штору, чтоб увидеть его новую сущность.

И всё же, поток ветра, влетевший из открытого окошка, всколыхнул одну штору, и я увидел его, точнее, во что он превратился.

Первая мысль: неужели я стану таким же страшным стариком?.. Раньше он таким красив, возможно моя мать связалась с ним из-за красивого личика, а сейчас... как легко он утратил одно из немногих своих достоинств.

Мужчина выглядел крайне истощённым, его бледно-жёлтая с большим усилием обтягивала его лицо, а глаза, казалось, вот-вот провалятся во внутрь черепной коробки. Дурной запах был такой силы, что ощущался за несколько футов до него. Дышать через нос было практически невозможно.

Губы его растрескались, сухие, шелушащиеся с красными продольными полосами. Разглядывать его было физически больно. Передо мной был живой труп. Вглядываясь в его лицо, я пытался отыскать хотя бы отдалённо схожие черты моего отца. Густые чёрные волосы заметно поредели и покрылись пепельной сединой, прямой аккуратный нос покрылся болезненной коркой. Высохшая мумия с редкими клочками

волос на щеках.

Болезнь в буквальном смысле пожирала его. Остались лишь самые не вкусные части, покрытые множеством гнойников, пролежней и рубцов по всему телу. Но это был он. Присмотревшись к его рукам, я сумел узнать их. Хотя пальцы были покрыты грибковыми ногтями, сами руки были всё те же. Конечно, той силы и здорового розоватого оттенка кожи уже не было, но это были они.

Раздался прерывистый вздох. Даже воздух с трудом доносился до его лёгких. Его веки слегка приоткрылись, а мертвый взгляд устремился в потолок. Я никак не мог выдавить из себя хоть слово вроде: «Эй, папа, это я, я здесь...» Истинный смельчак современного общества. Нужно было коснуться его, хотя бы одним пальцем, несмотря на отвращение. Я должен был это сделать.

К счастью, он заметил меня раньше. Его испуг был настолько сильным, что капля слюны, вылетевшая из его рта, попала мне на руку. Он узнал меня. Его губы сжались, мгновенно покрываясь новыми трещинами. Тонкая красная струйка побежала по подбородку. Видя, как отец буквально рассыпается на моих глазах, я начал лихорадочно искать какую-нибудь тряпку, чтобы протереть ему рот. Кругом сплошная грязь и мусор. Наконец, нашёл выход – осторожно вытер подбородок рукавом своей толстовки. Очень плохая идея, но другого выхода я не нашёл. Кровь не исчезла, лишь размазалась по всему подбородку.

Его глаза неотрывно смотрели на меня. Любая попытка что-то сказать приводила к дальнейшему разрушению губ. У него уже не было сил. Всё, на что он был способен, – тихонько мычать и всматриваться в меня. Вскоре он устал и снова сомкнул глаза. Ресницы намокли, нижняя губа слабо подёргивалась. Сделать уже ничего было нельзя.

В течение тех долгих минут, когда ты понимаешь, что ничем не сможешь помочь, остаётся лишь сидеть и ждать. По моим щекам текли слёзы, но я отказывался в полной мере впускать эти чувства.

В своей размеренной жизни я раньше не встречался со смертью так близко, а теперь она была отчётливо ощутима. Ясно, что Мэтью Бейкеру, этому парню из Бруклина, проживший жизнь впустую, осталось жить считанные дни, максимум неделю. Тем не менее, я был рад что Дебора привела меня сюда.

Вскоре он вновь погрузился в сон. Я положил свою руку поверх его и остался сидеть так ещё около десяти минут.

– Мы так давно не виделись, – подумал я про себя. – Моя рука почти такая же, как твоя, отец. Еще несколько лет – и я буду точно в твоём возрасте, когда я родился. Теперь я понимаю тебя... ты был совсем не готов.

Это были мои последние мысли, адресованные ему. Потянувшись ещё раз к его руке, я быстро развернулся и ушел, чтобы сдержать слёзы.

Дебора терпеливо ждала меня за дверью. После чего мы молча сели в машину и поехали домой.

Отъехав от того дома на пару миль, Дебора неожиданно нарушила тишину:

– Как ты, Генри? – В её голосе звучала искренняя озабоченность. Обычно наши поездки сопровождались оживлённой беседой, но сейчас машина была заполнена тяжёлой тишиной.

– Нормально, – коротко бросил я, давая понять, что хочу прекратить разговор.

– Давай поговорим об этом? – предложила тётя, постучав два раза мне по коленке. – Такие вещи люди видят не каждый день. Хочешь поговорить об этом-?

По её голосу чувствовалось, насколько она устала. Синяки под глазами говорили о многом, но она посчитала нужным задать этот вопрос.

– Нет, – отрезал я. – Особенного желания нет. – Я демонстративно отвернулся, прекращая разговор.

Вернувшись домой, я отстегнул ремень безопасности и собирался выйти из машины, но Дебора удержала меня движением руки.

– Надень чистую одежду, рубашку белую или чёрную и прогладь её, – строго сказала она. – Думаю, скоро пригодится. Вряд ли ты пойдёшь на похороны отца в футболке.

Дверца захлопнулась с раздражающим звуком. Внутри

меня закипела злость. Да, она была права, но зачем поднимать этот вопрос именно сейчас?

– Что заставило тебя это сказать? – воскликнул я, наклоняясь к открытому окну. – Он там, один, в этой тёмной комнате...

Голос подвёл меня, следующая фраза получилась уже криком:

– Почему мы его оставили там? Почему не забрали оттуда?! – Комок подкатил к горлу, мешая продолжить речь.

– Во-первых, – заявила Дебора суровым тоном, – смени тон, юноша. А во-вторых, ты хочешь, чтобы всё это было не так, но всё так... помни одно: Мэт всегда был моим братом, но всю свою жизнь он был полным разгильдяем, человеком, неспособным удерживать хоть что-то хорошее в своей жизни. Он пустил всё на самотёк, узнав о своей болезни. Были деньги на лечение, но теперь уже ничего не поделать, остается лишь ждать.

Я промолчал, не найдя, что возразить. Поняв моё замешательство, Дебора закончила наставление простым предложением:

– Иди домой.

Позже, уже вечером, мы встретились на кухне. Дебора готовила ужин, заметив меня, сразу перешла к делу:

– Ты наверняка думаешь, что я плохой человек, – произнесла она, нарезаая лук. – Но это неверно. – Немного подумав,

добавила: – Послушай, ты был с ним всего полчаса, и какого тебе было? Невероятно мерзко, да? Могу поспорить, тебе не понравилось.

Заканчивая нарезку овощей, она перекладывала содержимое в кастрюлю.

– А мне вот... – продолжила она громче, пытаясь удержать моё внимание, – целый месяц пришлось провести с ним. Четыре недели непрерывного ухода, уборки, мытья и переворачивания каждые сутки...

Перебросив последнюю партию мяса в сковороду, она резко повысила голос:

– Он абсолютный идиот! Конкретный дурак, самый настоящий безвольный болван!

Тут я впервые увидел, как тётушка плачет. Стараясь скрыть слёзы, она отвернулась от меня.

Следующее мгновение я крепко обнял её. Получилось естественно. Оба мы были несчастны и по-своему одиноки. Слёзы пропитывали мою футболку, и я уже не знал, чьи это были слёзы – мои или же её.

Меня одолевало желание оказаться одному, но я не мог бросить её. Пришлось дожидаться, пока она придет в себя, и лишь тогда удалиться в свою комнату.

Примерно через два часа раздался звонок телефона. Дебора сняла трубку на кухне. Их разговор длился недолго. Закончив, она поднялась ко мне в комнату и сказала:

– Еду туда. – Больше сказать было нечего.

– Что случилось? – спросил я, глядя на неё удивлённо.

– Всё понятно, Генри, отмучался – спокойно ответила она, взяв сумочку. – Скоро вернусь.

Открыв дверь ключами, она решительно вышла из дома в сторону своей машины.

Вечер прошёл одиноко. Телевизор, холодильник и скучные передачи создавали иллюзию обычного вечера, но покой не пришёл. Всю ночь главным предметом моих размышлений был отец.

Ночь казалось бесконечно долгой, а тишина звенела особенно громко. Бессонные часы напролёт мои мысли кружились по кругу, заставляя чувствовать огромную тяжесть в груди.

Перед входной дверью раздался знакомый звук ключей. Было 3:41 утра. Дебора вернулась домой.

– Ты ещё не спишь, – заметила она, снимая туфли и массируя ноги. – Ложись-ка спать. А то завтра проспишь до обеда.

Тётя рухнула на пуф в прихожей и сразу закрыла глаза, явно намереваясь отдохнуть здесь. Чтобы избежать сна в прихожей, я проводил её в спальню. Держа её за руку, я понял, что это мой последний шанс услышать свежие новости.

– Ну как он там -? – выпалил я глупый вопрос, поддерживая её ослабевшие шаги.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы взглянуть на меня и, издав тяжёлый вздох, лечь в кровать, не раздева-

ясь.

– Ты сам знаешь – тихо произнесла она, поворачиваясь спиной ко мне. Больше она не проронила ни слова.

Три последующих дня мы почти не общались друг с другом. Все необходимые процедуры были выполнены быстро и скромно. Простой деревянный гроб, стандартная мраморная плита и двое пришедших попрощаться – пожалуй, это всё, что можно сказать про похороны Мэтью Бейкера. Его похоронили на маленьком кладбище Святого Креста. Сколько это стоило, тётя умолчала, говоря лишь: «Никогда не считай чужие деньги. Иначе не хватит времени заработать собственные.»

История подошла к концу, оставив лишь пустоту и необратимые перемены в наших жизнях.

Глава – 4. Сомнительные перспективы

Наступила пора экзаменов.

Всё прошло достаточно быстро и даже скучно. Одноклассники нервничали, волновались, метались, но для меня экзамены проходили как обязательная формальность, которую следовало поскорей завершить. Отличными отметками я не выделялся, и в итоге получил довольно средний бал.

Вечером, после оглашения результатов, весь мой поток отправился на вечеринку к одному богатенькому засранцу. Никому он не нравился. Бьюсь об заклад, многие пришедшие в его дом даже не знали его имени. Люди пришли ради большого роскошного дома и бесплатной выпивки у бассейна.

Весь этот вечер я планировал провести дома. Закрыться в комнате, послушать музыку и отдохнуть от повседневных хлопот.

Стук в дверь.

Дебора принесла шарик шоколадного мороженого. В правой руке держала кассету с фильмом «Трудный ребенок», вышедшим годом ранее. Сначала мне не хотелось смотреть кино, но потом я подумал: «Почему бы и нет?»

Получился простой и в то же время чудесный, семейный

вечер. Мы смеялись, обменивались взглядами и совершенно не думали о завтрашнем дне. За прошедшие годы Дебора превратилась для меня не просто в требовательную тетушку, она заменила мне родителей, хотя сама никогда не признавала этого.

Проснувшись следующим утром, я осознал, что старая жизнь подошла к концу. Наконец настало время выбрать колледж. Для Деборы это было принципиально важным решением. Она постоянно допытывалась, спрашивала, что я думаю о своем будущем. Видимо, боялась, что я могу повторить участь отца. Эти расспросы быстро утомляли меня. Поэтому у меня появился план. Еще год назад я сказал ей, что уже выбрал подходящий колледж и факультет. Так я получил небольшую отсрочку длиной почти в год. Однако, спустившись этим утром на завтрак, я уже знал, что моя тетя непременно потребует назвать колледж и срок на подачу документов.

Передо мной стоял горячий кофе, без сахара, как обычно. Тетя расположилась на кухне и приветливо встретила меня утренней улыбкой. Она ничего не говорила, но по её глазам было видно, что она ждёт от меня первого шага.

Я пил маленькими глотками, растягивая удовольствие и выигрывая дополнительные секунды. Терпеливая Дебора наблюдала за мной, отчего мне становилось не по себе.

Последний глоток показался мне очень горьким. Поставив чашку на стол и утерев уголки губ большим и указатель-

ным пальцами, я повернулся, чувствуя, как собственный голос ведет меня вперед, туда, где ждет импровизированное решение.

– Я долго думал, – начал я серьезным тоном, делая вид, что взвесил все возможные варианты, – и пришла одна мысль, которая не дает мне покоя.

Замолчав ненадолго, я внимательно посмотрел на реакцию тети. Ее лицо транслировало крайнюю заинтересованность. Она смотрела прямо в глаза, пытаюсь уловить каждое моё слово.

– Хороший колледж стоит дорого, – продолжил я, выдержав эффектную паузу, – а у нас таких денег нет. Идти куда попало – большая ошибка. Лучше устроиться на работу, накопить денег и на следующий год выбирать лучшее учебное заведение.

Реакция Деборы была сдержанной. Немного удивленная, она некоторое время изучала мое лицо, затем отвернулась и вернулась к своему занятию – нарезке овощей.

– Молодец, – похвалила она меня после небольшой паузы, сосредоточенная на овощах. – Это очень зрелое и взвешенное решение, – закончив орудовать ножом, она обернулась, и глядя мне в глаза сказала. – Я горжусь тобой.

Уже собравшись вернуться наверх, я услышал еще один вопрос:

– Уже знаешь, куда планируешь устроиться?

– Еще нет конкретных планов, но найду подходящую ва-

кансию в ближайшее время.

Еще одним советом тети стало предложение взять свежий экземпляр газеты, лежавшей на столе в холле. Там был большой список свежих вакансий. Хотя газета быстро попала ко мне в руки, не открывал я её вплоть до следующей недели.

Утро понедельника настало неожиданно быстро. Идея найти престижную высокооплачиваемую работу поблизости возникла спонтанно. Открыв газету, я столкнулся с набором нелепых объявлений: сборщик мусора на заводе, младший сотрудник в прачечной, продавец религиозных книг, уборщик клеток животных в зоопарке.

Что за ерунда? – подумал я возмущенно. Зарплата не превышала трех долларов в час.

Ни одно объявление не заинтересовало меня всерьез. День проходил в полной апатии. Я не сделал ни одного звонка. Позитивный настрой испарился, уступив место унынию. Отсутствие опыта и образования ухудшало ситуацию. Работа продавцом фруктов или официантом казалась неизбежной перспективой на ближайший год.

Чтобы отвлечься мне пришлось выйти на улицу. Прогулка должна была помочь вернуть мотивацию на завтрашний день.

Однако аналогичная ситуация произошла и на следующий день, и на следующий день.

Первую неделю проблем не возникало. Карманные день-

ги еще оставались, кое-где была мелочь, забытая в старых куртках. Периодически Дебора подходила и спрашивала, как продвигаются поиски работы. Какие фирмы я посетил на этой неделе, сколько собеседований прошло и так далее.

– Искал, искал! – отвечал я громко и грубо, маскируя внутреннюю неуверенность.

Со временем обман вошел в привычку, но оставаться дома становилось всё сложнее. Вскоре Дебора разгадала суть происходящего, но сначала давала мне несколько шансов.

Однажды вечером, примерно через три недели, терпению Деборы пришел конец. Она решительно вошла в мою комнату. Я лежал спиной к стене, закрыв глаза, притворяясь спящим. Шаги отчетливо раздавались по комнате, а после глубокого вздоха я услышал решительный голос:

– Завтра ты идешь на работу. Надень чистую одежду, погладь костюм и подготовь бутерброды на завтрак. Ровно в восемь утра ты должен быть на месте.

Закрыв дверь с грохотом, она оставила меня одного, переварить услышанное.

Ты сам хотел этого. – Прозвучал мой внутренний голос – Сам отложил учебу на год и решил попробовать заработать денег. Теперь действуй! Не прячься, как испуганный щенок. Генри, ты взрослый человек, значит, нужно показать это делом. Начни действовать. Будет сложно, но это не так страшно, как кажется.

Поднявшись с постели и сделав на скорую руку несколько сэндвичей, постирав вещи, я завёл будильник на шесть утра. Глубокой ночью я наконец лёг в постель с остывшей головой, но с большим волнением в сердце.

И всё же, взрослая жизнь – дерьмо.

Внезапно звон будильника разорвал тишину раннего утра. Голова не болела. Я был бодр и свеж, хотя проспал всего несколько часов. На часах было 6: 03. Сердце билось всё чаще с каждой секундой. Нервишки шалили, мысли неслись быстрее собственных ног и временами подкручивало живот.

Добравшись по нужному адресу, я увидел новый, сверкающий небоскреб, возвышающийся в небо. Проверив улицу, адрес выданный Деборой, сомнения не оставалось – я прибыл на нужное место.

Войдя через главные двери, я почувствовал себя чужаком. Окружавшие сотрудники в деловых костюмах и галстуках смотрели мимо меня, подчеркивая мое несоответствие обстановке. Мой скромный школьный пиджак, подтяжка-шнурок и футболка с изображением Микки Мауса делали меня неуместным гостем среди всех этих сотрудников.

Пока мне приходилось уворачиваться от бесконечной очереди людей, мой взгляд неожиданно коснулся небольшой таблички, расположенной под толстым слоем прозрачного стекла. Она притягивала внимание искусно выписанными золотыми буквами, изящно переливающимися в свете лам-

пы. Словно иллюстрация из древней хроники, надпись гласила: «Благодарность Ито Джину, основателю и владельцу этой компании». Ее величественный почерк и теплая золотистая краска создавали особое ощущение уважения и признания заслуг легендарного человека, внесшего значительный вклад в развитие предприятия.

Меня совершенно не замечали. Я был призраком, в центре нескончаемых дорогих парфюмов. Люди обтекали меня, будто река гору. Пот выступил на лбу, усиливая напряжение и так не малое напряжение.

Вскоре двое охранников в униформе приблизились ко мне. Их суровый внешний вид явно демонстрировал недовольство моим присутствием. С трудом преодолев стеснение, я назвал свое имя и причину визита. Охранники сообщили что-то через рацию и провели меня на третий этаж, в отдел кадров.

На двери висела табличка: «Отдел кадров №428». Войдя в кабинет, я понял, что на меня никто не обратил внимания. Все были увлечены обсуждением сплетен. Местные дамы активно перемывали косточки какому-то коллеге по прозвищу «Пискаря». Каждая из них активно жестикулировала руками и смеялись так громко и не прилично, что у каждой второй проступали набухшие вены на лбу. Спустя минуту или чуть дольше они всё же заметили меня. Разговоры прекратились и все демонстративно приступили к своей работе. Одна из дам махнула рукой, приглашая подойти ближе. Этой

была самая громкая хохотунья из всего кабинета, игривость сменилась отрешённостью. Тётка вежливо попросила предъявить документы для оформления.

Почти двадцать минут я провел в офисе, но никто так и не удосужился задать мне ни одного вопроса. Девушки равнодушно передали мне небольшую стопку бумаг и отправили на двенадцатый этаж.

Оказавшись на нужном этаже, я случайно столкнулся с моим новым руководителем, Бернардом Лораном. Он относился к типу руководителей, которые не подавляют своим авторитетом, а обращаются с подчинёнными на равных. Вместе с тем, в ходе беседы он ненавязчиво выстраивал границы, давая понять, что мы не приятели, а коллеги по работе. С первой минуты нашего знакомства, мне стало понятно про кого разводил сплетни те женщины с третьего этажа. Его голос был очень высоким и с непривычки смешным. Благо, я не смеялся, а подавил этот позыв ещё в самом зачатке.

Без лишней воды Бернард провёл инструктаж, где ясно обозначил мои обязанности, не задавая неудобных вопросов, на которые я вряд ли сумел бы внятно ответить. Следом он вручил мне небольшую стопку документов для ознакомления.

Озвучив стандартные фразы, Лоран потерял всяческий интерес ко мне. Причина была очевидна: всё его внимание и мысли, как я узнал позже, было приковано к кабинету 428, расположенном на третьем этаже.

На вид ему было около пятидесяти пяти лет, но уверенность в нём было как у двадцатилетнего мальчишки. Его постоянные усилия в борьбе за расположение девушек из отдела кадров стали поводом для постоянных шуток. Округлые формы фигуры и необычный, визгливый голос сделали его героем офисных анекдотов, закрепившихся прозвищем «Пискля». Невзирая на возраст, он упорно пытался закрутить интрижку. Многие коллеги считали все его попытки бессмысленными не имеющими ни единого шанса на успех. Но он не сдавался и из раза в раз приходил туда с очередной неуместной шуткой или неловкими предложениями в надежде получить хоть какое-то расположение от сидящих там дам.

Теперь я был сотрудником строительной компании «**Simple & Easy Choice**» («Простой и легкий выбор»). Компания позиционировала себя амбициозно, заявляла о лучших ценах, качестве и высокой квалификации своих сотрудников.

Но реальность быстро внесла свои коррективы. Первые испытания начались на этапе распределения рабочих мест. Сразу после прохождения инструктажа и ознакомительной экскурсии меня направили на четвертый склад, находящийся за главным зданием. Помещение было наполнено строительным мусором и отходами производства. Серый металлический бокс с облезлой краской, скрипучие двери и специфический запах немых тел стали частью повседневной ре-

альности. Вот так, среди кип строительных материалов и груды сломанного оборудования проходила каждая смена.

Работа была монотонной, но не сложной. Четырёхчасовой рабочий день состоял из подготовки документации, обеда и сортировки мусора. Постепенно привыкнув к новому месту, я освоился в команде. Коллектив насчитывал четырёх человек, включая меня, однако общее взаимопонимание и солидарность отсутствовали.

В основном я работал с двумя братьями по фамилии – Хемиш. А четвертый был пожилой мужчина азиатского происхождения – Акико Юджин Янг. Опытный работник, обладающий огромным багажом профессиональных навыков. Он служил своеобразным наставником и помощником новичкам вроде меня. Его уравновешенность и спокойствие контрастировали с шумом и хаосом, проходящим здесь каждый день.

Братья Хемиш были своеобразной парочкой.

Старшего брата звали Фергус. Этот здоровяк обладал крупным телосложением, но первое, что бросалось в глаза, – его жидкие волосы, зачесанные назад. Раньше они имели рыжеватый оттенок, но сейчас выпадали с такой скоростью, что покрывали плечи, столы и стулья, где проходил Фергус. Его шкафчик в раздевалке превратился в склад средств для ухода за волосами: флаконы с шампунями, сыворотками, спреями и маслами лежали повсюду, создавая горы из пустых бутылок.

В свободное время Фергус проводил время у старого зеркала, нежно приглаживая оставшиеся пряди, отчаянно пытаясь сохранить причёску. Каждая попытка только усугубляла проблему: количество волос уменьшалось пропорционально количеству движений по голове расчёской.

Фергус не был работником месяца, но и лентяем его трудно было назвать. Скорее, он был посредственностью, совмещающей недостаток профессионализма с отсутствием инициативности. Частенько он не понимал шутки, сарказма и не реагировал на тонкие намеки. Впрочем, благодаря его размерам все обращались с ним вежливо и приветливо.

Его младший брат, Брэдли, был без единого волоса на лице и теле. Его внешность отражала внутреннее состояние: он был пассивным, замкнутым и молчаливым. Его речь была тихая и невнятная. В отличие от брата, его рост был ниже среднего. Бледная кожа и огромные свисающие мешки под глазами. Казалось, он давно уже проиграл гонку за эту жизнь, но каким-то волшебным образом, старуха с косой потеряла его в списке клиентов.

Братья всегда были вместе. На обед ходили парой, в туалет и в душ тем более. Они разделались лишь в те моменты, когда Фергус приступал к своим обрядам с волосами. Брэдли же отправлялся в какой-то тихий, тёмный уголок, где его никто не видел, укрывался старыми рабочими куртками и спал.

Мистер Янг всегда держался от нас в сторонке. Редким

случаем было услышать от него прямое распоряжение. Этот человек был олицетворением спокойствия и сдержанности. Самый трудолюбивый старик, которого мне приходилось встречать в своей жизни. Он всегда приходил ранним утром и заканчивал поздним вечером. Мистер Янг никогда не срывался на нас и не повышал голос, даже когда мы этого заслуживали. Этот дядька проявлял к нам безграничную терпимость. Даже простейшие поручения, порождали в моём сердце сильные волнения. Акико Юджин Янг был большим плюсом в нашем коллективе, хоть и не понимал этого. Любой другой на его месте, давно бы предложил мне написать заявление на увольнение. Радовало только то, что меня определили на склад утилизации старого стройматериала, иначе, вся зарплата уходила бы на штрафы.

Но время шло. Я прошёл долгий путь адаптации. Научился избегать конфликтов, грамотно распределять рабочее время и справляться с ежедневными задачами. Постепенно положение стабилизировалось, казалось, вот он, наконец наступил новый этап жизни.

Прошло около шести недель. Преисполненный уверенностью, я отлично ориентировался в распорядке рабочего дня. Уже знал, когда можно отдохнуть, где спрятаться от надзора начальства и в какие моменты лучше не отлынивать от работы.

Лишь спустя время я обратил внимание как не прене-

брежительно большинство работников относятся к Мистеру Янгу. Это были не только начальники других отделов, но и простые рабочие такие как я. Он для всех был пустым местом. Проходя по общим коридорам, его легко могли толкнуть плечом и не извинится. Сделать вид, что ничего не произошло. На обед мы ходили порознь, но однажды оказавшись там в одно время с мистером Янгом, мне пришлось лицезреть весьма неприятную картину. Как тихий японец оставивший свой поднос с тарелкой супа отлучился в туалет на пару минут, а по возвращению обнаружил свой поднос на подоконнике у ближайшего окна. Его стол был занят работниками соседнего, третьего склада, отличавшимся крайней степенью невоспитанности. Только не мытые деревенщины могли позволить себе такое. Однако, мистер Янг был спокоен. На его лице ни дёрнулась ни одна мышца. Он лишь взял свой поднос и уселся за самый дальний столик, подальше от всех. Одному Богу известно, сколько таких ситуаций произошло за все эти годы. В тот день он открылся для меня с другой стороны. Он казался немного странным. Сам себе на уме как говорят. После того случая, каждый раз наблюдая как он куда-то идёт, в голове возникал один и тот же вопрос: сегодня его кто-нибудь обидит или нет?

Работа оказалась простой. Всё что от меня требовалось, стало даваться мне гораздо легче. График сократился, а премия увеличилась. Заглядывая в календарь, я осознавал, что

осталось всего восемь месяцев до поступления в колледж, и честно говоря, особого желания учиться у меня уже не было.

Вечер пятницы. 18:34.

Выходя с работы, я уже представлял себе, как в ближайшем баре мне наливают первую кружку тёмного пива. Вечер обещал быть чудесным: пиво, футбол... Дело оставалось за малым: добраться домой, принять душ и отправиться занимать место получше за барной стойкой.

Но переступив порог дома, я понял, что здесь что-то не так. Странная гробовая тишина царила вокруг: радио молчало, Дебора не болтала во весь голос по телефону с подругами, а окна и шторы были плотно закрыты. Чайник остыл давно – значит, дома её не было уже часа два-три.

Куда она исчезла? Такая мысль мгновенно мелькнула в моей голове. Моя тетушка – человек привычек: изо дня в день живёт строго по расписанию, будь то праздник, похороны или похмельное воскресное утро.

Однако, приняв душ и натянув футболку прямо на влажное тело, я заметил на журнальном столике незнакомый мобильник. Маленькая антенна, подсвечиваемые кнопки и такая приятная форма, идеально лежащая в руку. Тут неожиданно раздались настойчивые звонки телефона. От испуга я едва не уронил аппарат – было бы обидно разбить его в первый же день. Хотя говорить совершенно не хотелось, постоянные сигналы вынудили меня поднять трубку. Нажав

зеленую клавишу, я постарался дышать потише, ожидая голоса собеседника.

– Генри, Генри, ты там? Алё... – Голос Деборы звучал слегка взволнованно. – Спасибо, что ответил наконец.

– Привет, – произнёс я торопливо, надеясь завершить этот разговор поскорее. – Только пришёл с работы. Честно говоря, мне надо бежать, хорошо, что успел поймать твою звонилку буквально за минуту до выхода...

Она глубоко вздохнула. Голос снова стал тихим и спокойным.

– Ты сейчас один? – неожиданно спросила она.

– Да, один, – ответил я в трубку, слегка смутившись от такого вопроса.

Дебора помедлила немного, а затем твёрдо проговорила:

– Послушай, неважно, что тебе скоро сообщат. Не придавай значение, пропусти мимо ушей. Я та самая тётя, которую ты всегда знал.

– О чём ты говоришь? – спросил я, пытаюсь разобраться.

– Что бы тебе не сказали, знай, что это ложь. Ты должен верить только мне. Обещай мне.

– Хорошо, – сказал я нерешительно, совершенно не понимая, куда ведёт эта беседа.

– Замечательно, – одобрительно воскликнула она, а затем вновь задумалась.

– Мне предстоит уехать на какое-то время.

– ...

– Послушай, сынок – Эти слова быстро выбили меня из привычного потока сознания. – Мы ведь с тобой семья – В трубке внезапно зазвучал странный басистый мужской голос, будто герои старых кинолент шестидесятых годов: мощный, но абсолютно неразборчивый.

– Генри, ответственность за дом лежит на тебе. Следи за своевременной оплатой счетов. Ты уже достаточно взрослый, чтобы самому справляться с такими вещами, и я предупреждаю тебя об этом в последний раз.

– Что вообще происходит?! – крикнул я в трубку, охваченный растущим беспокойством.

– Верь мне, сынок, только мне одной. Никого другого не слушай. Свяжусь с тобой тогда, когда почувствую себя в полной безопасности.

Я растерялся окончательно. Мозг перестал обрабатывать, мир начал терять чёткость очертаний.

– Люблю тебя, – добавила она напоследок, и это прозвучало так фальшиво, что сказать в ответ я ничего не смог.

Дебора всегда была скупа на проявление нежных чувств. Слов, объятий, простых прикосновений, видимо и прощания довались ей с особым трудом.

Злость наполняло моё тело, но грубить или грубо оборвать разговор я не смог. Оставалось лишь продолжать её слушать.

В конце концов, она поняла, что от меня ничего не услышит. Она ещё несколько секунд не заканчивала разговор,

в надежде, услышать хоть пару слов, даже совсем не приятных, но я молчал.

Разговор был окончен. Прозвучал короткий сигнал, после которого я положил телефон обратно на стол. В тот вечер я просидел в баре погружённый в собственные мысли. Я заказал лишь одну кружку пива и смотрел на неё весь вечер, до тех пор, пока люди не стали расходиться. К тому моменту, когда я пришёл в себя, пиво давно выдохлось и заслуживало далёкого путешествия по канализации.

Следующим вечером в дверь постучался полицейский. Разговор с ним был достаточно коротким, но довольно информативным. Выяснилось, что на протяжении долгих лет моя тётушка арендовала множество квартир по городу, а затем пересдавала их с большой наценкой. Удивительно, что это всё вскрылось только сейчас..., там были сотни людей: Студенты из соседних штатов, мигранты, молодые семьи. Дебора оказалась аферисткой сбежавшая в неизвестном направлении. Я, конечно, пообещал полицейскому сообщить если она выйдет на связь, но догадывался, что в ближайшее время она звонить не будет.

Первые дни пролетели незаметно, словно ничего и не было. Звенящий будильник, автобус в 6:54, рабочий день, возвращение домой, ужин, подогретый в микроволновке, и по-

стель уже давно не первой свежести. Только спустя несколько недель, каждый день напиваясь дешевым пивом, я ощутил, насколько пусто было в нашем доме. Дома скопились горы неоплаченных счетов, несколько мусорных мешков заполненные до краев и вездесущая пыль, покрывавшая мебель. Мобильник, оставленный Деборой, всегда был при мне. Я долго и мучительно ждал, когда она позвонит мне.

Но, время шло и в какой-то из вечеров, находясь в пьяном угаре, мне надоело находиться в постоянном нервозе и тогда я не придумал ничего лучше, чем засунуть этот телефон в блендер и нажать кнопку пуск. Идиотская идея. Теперь ни блендера, ни телефона...

Я понимал, что у Деборы нет никаких обязательств передо мной, наоборот, многие вещи, которыми я обладаю, появились именно благодаря ей. Несмотря на это, воспоминания о нашем последнем разговоре портили мне настроение каждый день. Я чувствовал, что тревога и моё каждодневное депрессивное настроение вскоре может перерасти в неприязнь к этой женщине, а затем в ненависть.

Глава 5 – Один билет в будущее

К концу осени в нашей компании начался своеобразный марафон – бессмысленных отпусков. Их считали бесполезными потому, что никто не стремился уезжать отдыхать зимой. Всем хотелось провести отпуск летом или ранней весной. График утверждался руководством сверху и обсуждению не подлежал. Зимой 1991—1992 годов руководство отпустило больше ста сотрудников в оплачиваемый отпуск. Среди тех, кого отпустили в отпуск, оказался наш директор – мистер Пискаля. До грядущего отпуска, он ходил и трепал всем нервы. По всей видимости, он так и не смог захомутать какую-нибудь пташку из отдела кадров и по всей видимости проведёт весь отпуск один. Когда он проходил рядом, его визг было слышно на почтительном расстоянии, но увы, с этим ничего нельзя было сделать. На время его отсутствия, отвечающим за наш склад и за несколько соседних сделали мистера Янга. Удивительно, что там наверху, вообще знали о его существовании.

Настал день, когда Месье Лоран уехал на целых три недели. Уже с первого дня чувствовалось как изменилась рабочая атмосфера. Многие работники стали своевольничать и приходить на работу, когда им вздумается. Это могло быть и два, и три часа опоздания, но никаких последствий за этим

не следовало. Основную массу нашего нового коллектива составляли – деревенщины. Внешне они выглядели одинаково: глуповатое выражение лиц, короткие волосы, красное, загорелое лицо, характерный раздражающе громкий смех и привычка оплёвывать всю курилку. К слову, наш Фергус быстро нашёл с ними общий язык.

Были и те, кто страдал в такой обстановке. Это были простые городские парни, уступавшие им в физических кондициях. В том числе был и я. Нам приходилось впахивать и стараться как можно меньше контактировать с этими маргиналами. Многие были недовольны, но в открытую конфронтацию никто не вступал, боялись тумачов от деревенских. Мистер Янг наверняка знал об этом, но ему было всё равно. А, возможно, он тоже побаивался кого-то из них. Ведь большинство было выше его на целую голову.

Первая неделя прошла быстро. Признаться, я и сам начал периодически опаздывать на работу. Возможно, всему виной было каждодневное полуночное пьянство, а возможно, я просто поддался стадному инстинкту. Поначалу, было немного страшно, неловко опаздывать, но с каждым последующим днём становилось всё легче и легче. Я опаздывал каждый день, но в свою защиту могу сказать, что опоздание было не больше часа.

В один из таких дней, я пришёл позже на 45 минут, отменился, показался на глазах мистера Янга и с прекрасным настроением рассортировывал старые кирпичи на складе. Од-

ного часа было достаточно. Можно было и отдохнуть.

Недолго думая, мои ноги сами понесли меня в архив. Это было старое, полуподвальное помещение, заваленное старой документацией. Здесь лежали документы и за пять, и за десять лет. Мы спускались сюда не часто. Примерно раз в две недели, я или кто-то из Хемишей относили сюда документы и складывал поверх предыдущих. За столько лет, эта комната превратилась в макулатурные джунгли, где тебя никто не найдёт. Уйдя в укромный уголок, я смял несколько сотен старых документов и сделал какое-то подобие подушки. Накрылся старой рабочей курткой, по заветам Брэдли и прилёг спать.

Прикрыв глаза всего на пару минут, прозвучал отчётливый скрип дверью. Сердце бешено заколотилось, адреналин мгновенно предал мне бодрости, но убежать было поздно и некуда. Любой шелест бумаги моментально разоблачил бы меня, а выход был лишь один. Шаги приближались медленно, удаляясь в другой конец помещения. Осторожно выдохнув, я стал прислушиваться к каждому шороху представляя в голове что же там происходит. Любое шорох усиливалось втрое в таком маленьком помещении. Малейший звук мог выдать моё присутствие.

Повезло, ничего не сказать... – думал я про себя – Представляю картину, как он или она подходит сюда и видит, лежащего здесь наглеца, с виноватым, тупым коровьим взглядом. Крику то будет... – эти слова крутились в моей голове

снова и снова по кругу, пока я изображал большой, пожёванный лист бумаги.

Странное ощущение, когда теряешь контроль над ситуацией и понятия не имеешь, что делать дальше. Вскоре стали доноситься странные звуки: глухой отрывистый плач, становившийся всё сильнее и громче. Не знаю почему. Мне стало страшно и дождавшись очередной волны неприятных звуков мне удалось встать на корточки, а затем в полный рост. Меня не было видно из-за башен толстой, пожелтевшей бумаги.

Это точно был мужчина. Его стоны, переходящие в кратковременные крики, просто не могли быть женские. Он никак не успокаивался. Пять, десять минут – а он продолжал так тошно и горестно вопить, словно его боль возвращалась снова и снова. Интерес был сильнее страха, и я подглядел. Подсмотрев одним глазом из-за угла, я увидел мистера Янга, сидящего на горе бумаги, рассматривающий какой-то синий журнал. Он был таким открытым и уязвимым, лишённым защитной оболочки равнодушия.

Казалось бы, этот день обещал быть скучным, но после увиденного, я понял одну простую вещь: у любого, даже с виду самых простых, заурядных людей, неумеющие никакой внутренней сложности, могут быть свои секреты.

Его взгляд был привязан к журналу открытому примерно на середине. Взгляд полной боли и печали. Лицо непривычно было красным. Его глаза заметно опухли, а на впалых щеках, проступили красные пятна, от разъедающий его ко-

жу слёз.

Атмосфера в комнате наполнилась неловким напряжением. Прошло ещё какое-то время и наконец-то мистер Янг закрыл свой журнал, спрятал между старых листов и быстрым шагом вышел из архива.

Я солгу если скажу, что не нашёл тут тетрадь. Неряшливо спрятанная между сотнями папок, она манила тайнами своего владельца. Любопытство выжигало меня изнутри. Без доли сомнений, я нашёл и схватил эту заветную вещь мистера Янга и раскрыл её ни сомневаясь ни секунды.

Как велико было мое разочарование, когда, открыв этот журнал я увидел сплошные, размытые от слёз иероглифы. Бумага пожелтела и стала хрустящей за несколько лет. Но примерно в середине, меж страниц лежала фотография. Она была почти не тронута временем, лишь уголки слегка выцвели. Молодой мистер Янг с блестящими глазами и густой шевелюрой стоял рядом с улыбающейся женщиной, прижимающей младенца, а слева находился мальчик лет пяти-шести, крепко обнимающий мать руками.

Тетрадь была тут же захлопнута с отчетливым, громким хлопком.

«Я лезу совсем не в свое дело», – подумал я про себя и положил тетрадь обратно, так, словно её никто и не трогал. «Видимо, что-то произошло в его жизни». Это было интересно, но не настолько, чтобы я хоть на минуту задержался здесь.

Поднявшись наверх, я застал странную картину. Гребаный Фергус Хеммиш, ехидно улыбаясь, закрывая за собой дверь и лениво помахал мне рукой. До конца смены оставалось еще несколько часов, и этот рыжий толстяк решил свалить всю оставшуюся работу на меня.

Впервые за долгое время меня охватила такая злость, что вся моя скромность и неуверенность в себе мгновенно испарились. В глубине души я понимал, что это лишь временный эффект, и потому быстро направился к кабинету мистера Янга.

Громкий стук в дверь.

– Войдите, – прозвучал тихий, но отчетливый голос Юджина Янга.

– Мистер Янг! – крикнул я прямо с порога. – Долго это еще будет продолжаться?! – мое появление было довольно эффектным, а он даже не повернулся ко мне лицом. Даже не пошевелил головой ни на дюйм.

Может быть, он скрывал свое лицо после недавних событий, но мне казалось, такова была его натура – полная безразличность. Я понимал последствия, которые могли настичь меня уже завтра, если мистер Янг отчитает Ферга или всех остальных парней, упомянув моё имя. Меня запросто могли побить, скорее всего побьют, но в тот момент эмоции оказались сильнее разума, и я сказал:

– Мистер Янг, Хеммиш ушел буквально десять минут назад, а остальные ребята покинули склад ещё раньше. – Я спе-

циально сделал паузу, чтобы он мог осмыслить мои слова, а потом добавил: – Нам продолжать самостоятельно или будем заканчивать своими силами-?

Каждое слово я тщательно подобрал таким образом, чтобы подтолкнуть его к нужному мне решению.

Но даже спустя пару секунд он не посмотрел на меня. Не хотел. Может быть, я был недостаточно убедителен, однако вскоре, когда пауза затянулась до неприличия, он все-таки ответил:

– Генри, – произнес он на глубоком выдохе, слегка хрипловатым голосом. – Ступай домой. Продолжим завтра утром. Ступай.

Последовала многозначительная пауза. Мистер Янг снова уткнулся в бумаги за своим столом и больше никак не реагировал на мое присутствие.

– ... – В тот момент я ничего не мог ответить.

– Ступай-ступай, увидимся завтра. – добавил он напоследок.

Переступив порог, мне вдруг захотелось рассыпаться на тысячу маленьких песчинок и исчезнуть отсюда – ощущение совершенно нелепое, ведь именно этого я и добивался.

– Куда теперь идти? – раздражённо спросил внутренний голос. – Идти в бар? Провести весь вечер среди кучки алкашей, тщетно пытающихся обрести смысл жизни на дне бокала...

Самое ужасное было в том, что я сам был одним из них.

Возвращаться домой тоже смысла не имело. Я старался уходить ранним утром и приходил поздним вечером. Не мог находиться там. Все эти диваны, столы и стулья, где мы сидели с Деборой, субботние вечерние посиделки... Я не мог там находиться, но и уйти мне было некуда... Лёгкое жжение доносилось чуть ниже ключицы. Оно было всегда ощутимым, но я знал, что он пройдёт, через какое-то время.

Такой расклад, сподвигнул меня засучить рукава и приступить к сортировке огромной груды мусора, от которой я пытался сбежать ещё минуту назад.

Задача состояла в очистке нескольких кубометров отсыревшей пихты, которое стала негодной для строительства.

Моя первая ошибка заключалась в отсутствии элементарной техники безопасности. Мне так сильно понравилось ощущать себя жертвой обстоятельств, что совсем позабыл надеть перчатки. Такая безалаберность за первый час стоила мне трёх посаженных заноз и двух порезанных пальцев.

Второй промах состоял в переоценке собственных возможностей. Нужно было перебрать огромное количество материала, одному человеку это потребовало бы целую неделю. Однако, внутреннее стремление отвлечься и отсрочить возвращение домой придало мне сил.

Через четыре мучительных часа, которые показались вечностью, большая часть работы была выполнена. Руки покрылись множеством царапин, а одежда неприятно липла к телу. Хотя рабочий день был окончен, мистер Янг не выходил

из в своем кабинете. А мне так хотелось, чтобы он вышел из кабинета, удивившись похвалил меня.

Прошло уже сорок минут. Этот дядька всё сидел и сидел в своём кабинете. Ещё немного – и запах исходящей из-под футболки вынудит меня пойти домой. Свет в кабинете погас. Сил практически не оставалось, не говоря уже о рвении. Но когда долгожданная похвала, всего в паре мгновений, останавливаться было уже нельзя. Мистер Янг вышел из кабинета и пошёл в противоположенную от меня сторону. Ни заметив ни меня, ни моей проделанной работы.

Забыв что-то в кабинете, Юджин Янг развернулся и стремительно направился в сторону Генри. Его лицо приобрело слегка удивленное выражение – оно было сдержанным, но в нём проглядывалась еле заметная улыбка.

– Мистер Бейкер, – с энтузиазмом произнёс он. – Вы и дальше собираетесь в одиночку перебрать весь склад, пока остальные бездельничают-? Учтите, будет некрасиво, если вся премиальная часть за этот месяц достанется вам. Хеммиш ещё тот... хитрец, но всё же его вклад в работу, тоже важен. Не держите на него зла. Он хороший парень, просто его нужно направлять в нужное русло.

Мистер Янг неожиданно разговорился:

– Ваша настойчивость произвела на меня приятное впечатление, мистер Бейкер.

После этого Юджин Янг приблизился, положив руку на плечо юноше, и произнёс долгожданные слова, ради ко-

торых Генри провёл эти долгие часы на смене:

– Пойдемте домой.

Старик любезно предложил довезти Генри до дома. Я, конечно, смутился, но всё же дал своё согласие. Мистер Янг не докучал разговорами. Он просто молчал, изредка улыбаясь если наши глаза на мгновение встречались. Не уверен, но кажется на середине поездки я уснул, а проснулся, когда его машину уже стояла у моего дома. Мы пожали друг другу руки, после чего пообещали увидится завтра.

Мне запомнился тот день. Не только по тому, что мне пришлось ещё целый час выковыривать иглой две глубокие занозы, а потому, что этот день отличался от всех предыдущих. Маленькое приключение, в ходе которого, я впервые за долгое время почувствовал себя живым.

Иногда во время обеда мистер Янг приглашал присоединиться к нему. Пару раз я вежливо отказался, но на третий или четвёртый раз стало совсем не удобно. Здесь у меня не было друзей, да и сами обеды не обязывали меня к чему-либо особому. Сидя за столом, мы редко общались, лишь изредка обменивались короткими взглядами, говорили о погоде и немного о работе.

Однажды, глядя в окно на осенние листья, гонимые порывом ветра, мистер Янг принес две чашечки необычного чая, источавшего приятный, незнакомый аромат. В нашей столовой продавался лишь черный чай, а этот имел светло-желтый

оттенков и плавающие зеленые листочки на дне чашки. От запаха начали оглядываться окружающие. Но мистериу Янгу было абсолютно всё равно. Он выпил половину содержимого и пристально следил за моими действиями. Завидев, как я делаю первый глоток, он сделал ещё один и тихо произнес:

– Отличный чай...

Это звучало так, будто меня подстегивали быстрее оценить вкус напитка.

Попытавшись сделать первый глоток, у меня ничего не вышло. Обжог лишь губы с языком.

– Да, неплохо пахнет, – пробормотал я тихо, готовясь повторить попытку.

Послышалось негромкое причмокивание:

– Ммм... стоит каждой вложенного цента.

Взяв чайную ложечку, я аккуратно помешивал жидкость круговыми движениями. Возник закономерный вопрос:

– А сколько стоит такая упаковка чая?

– Около тридцати пяти—сорока долларов, – невозмутимо отозвался Юджин Янг.

Эти слова заставили меня осторожно подтереть рукавом пролитую каплю чая на краю стола.

– Что это за сорт чая? – Теперь я испытывал откровенный дискомфорт, подозревая возможный розыгрыш.

– Китайский, – коротко пояснил собеседник.

– Разве он стоит таких денег? – Вопрос был дерзким и бестактным, но любопытство одержало верх.

Закончив пить, Юджин отставил пустую чашку в угол стола:

– Видите ли, мистер Бейкер, достойные вещи стоят вложений. Этот чай полезен, успокаивает нервную систему, благотворно влияет на тревожное сердце и, самое главное, обладает прекрасным вкусом.

При этом его взгляд скользнул в сторону, словно вспоминая нечто важное.

– ... – Его слова оставили меня равнодушным. Чай странно пах, был странный на вид, а по вкусу не отличался от любого зелёного чая.

Мистер Янг уловил сомнения на моем лице, улыбнулся и примирительно проговорил:

– Извиняюсь, если чем-то смутил вас. Нет нужды торопиться. Наслаждайтесь чаем медленно, неспешно. Многие не способны распознать его истинный вкус с первой попытки. Не переживайте, я угощаю. Более того, никто другой этот чай не заказывает. Если бы не моя маленькая страсть к этому напитку, думаю, его давно бы уже вывели из меню нашей столовой. – А затем, ещё раз повторил: простите, если смутил.

Сделав над собой усилие, я сумел допить содержимое стакана. А мистер Янг, поймав паузу, задал простой, но неожиданный для меня вопрос:

– Вам не понравился чай, мистер Бейкер?

Вопрос загнал меня в быстро сходящий ступор. Я коле-

бался между честным и правильным для того момента ответом. Черные глаза собеседника, окаймленные тонкой дымчатой полосой, всматривались в меня, будто ожидали от меня какого-то откровения.

– Трудно сказать, – признался я честно.

– Понятно, – лаконично откликнулся он, добавив новый вопрос:

– Насколько я осведомлен, вы планируете начать учебу в следующем году?

Меня поразило не столько содержание вопроса, сколько факт, что кто-то посторонний знает такую личную деталь, доступную только двоим людям.

Отвечать мне совсем не хотелось, но промолчать было бы – грубо. Мой ответ прозвучал сухим и бесстрастным, ясно подчеркивая нежелание обсуждать эту тему:

– Раньше были такие планы, но теперь сомневаюсь, действительно ли мне это нужно.

Заинтересованно приподняв бровь, мистер Янг продолжил расспросы:

– Были планы? Значит, теперь уже нет?

Генри тяжело вздохнул, подавляя желание грубо прервать собеседника. Придерживаясь роли воспитанного мальчика, я старался контролировать эмоции, проявляющиеся на лице:

– Были мысли отложить денег, поработать годик и поступить в колледж попримичней. Но с течением времени и определённых жизненных обстоятельств, я понял, что это идея

была вовсе не моя, а ... – в этот момент я чуть не сказал тётушки, но сдержался, так как любое её упоминание, порождали во мне негативные чувства. – а родственников – добавил я в конце.

– Любопытно! Мне кажется, тратить свою жизнь на заработок по 11,5 долларов в час – далеко не лучшее решение.

Проведя рукой по волосам, Юджин Янг добавил:

– Вероятно, со временем вы вернетесь к этому вопросу.

– Буду надеяться, что вы правы, – уклончиво отозвался Генри, желая завершить беседу.

Похлопав по своим карманам, мистер Янг вытащил мятый леденец и протянул его мальчишке. Дождавшись, пока Генри положит конфету в рот, Юджин подумал, что имеет право задать ещё один вопрос.

«И что же твои родители думают обо всём этом?» – сложив ладони перед собой, спросил Юджин Янг.

Трудно было точно сформулировать мысли. Восьмидесятые, девяностые, двухтысячные... Эти три десятилетия оказались трудным периодом не только для Америки, но и для всего мира. Люди изменились, мы изменились. Поколение, воспитанное женщинами. Мы были другими. Безусловно, они могут подарить и любовь, и ласку, но, когда настанет время прекратится из мальчишки в мужчину... как они могут помочь-?

Отцы тысяч мальчишек исчезли из жизни, даже не успев

объяснить, как правильно жить. Я был из их числа. Ни отца, ни матери... никого. Никто не научил меня быстро, а самое главное правильно принимать решения. Единственное что я мог, это пускать всё на самотёк или выбирать самый простой путь, без нервоза и дрожащей ноги под столом.

Немного смущаясь и опустив взгляд, я снизил голос ровно наполовину, придав нашему диалогу личный оттенок.

– Живу один, – тихо произнес Генри, спрятав шуршащую обертку в карман брюк.

Конфета хрустнула между зубами, подчеркивая тишину.

– Знаете, – продолжил мальчик, глядя куда-то вдаль, – впервые за долгое время чувствую себя совершенно спокойно. Теперь я заранее знаю, как пройдёт этот день, что будет завтра и послезавтра. Если заняться чем-то другим – обязательно возникнут новые трудности, а мне этого не надо.

Его собеседник едва заметно приподнял левую бровь. Несколько выбившихся волосков были чуть длиннее остальных и мягко изгибались, почти касаясь гладкой кожи лба.

– Все эти проблемы, – негромко ответил он, – всего лишь небольшие кочки на твоём пути. А дорога будет длинная, можешь не сомневаться.

Несколько раз осторожно потерев кончиком пальца верхнюю губу, Юджин Янг заинтересованно уточнил:

– Может, причина деньгах?

Ваш текст требует некоторых правок для улучшения

стиля и четкости выражения мыслей. Вот переработанный фрагмент:

Откуда-то достав маленький карандаш и салфетки, Мистер Янг начал аккуратно выписывать цифры:

– Видите ли, вот простой пример, – заговорил он, влажно прикоснувшись языком к кончику карандаша. – Допустим, наша зарплата составляет около 1800 долларов. За жилье платим столько-то, снимаем средний расход на питание и транспорт, и вот у нас остается примерно 300—400 долларов в месяц. Этой суммы вполне хватает, чтобы начать копить хотя бы на образование.

Замечая мое замешательство, он замедлил речь.

– Разумеется, мой образ жизни весьма скромн, практически аскетичен. Однако поставьте цель, и вы сможете сократить расходы до минимума.

Взгляд моего собеседника остановился на моих глазах. Он понимал, что мне совсем не интересен этот разговор, но всё равно настойчиво продолжал.

Дождавшись пока он остановится, я решил заговорить. Мои слова стали медленно вытекать наружу, будто жидкость из прохудившейся бутылки.

– Я обычный парень из Бруклина, искренне радующийся полному холодильнику, тихим средам без стрельбы на улице и чистой воде из крана. Радуюсь друзьям из Канзас-Сити, приезжающим ко мне на Рождество. Мне хочется вести простую, размеренную жизнь, избегать лишнего шума и суеты.

ты. Если получится, обзаведусь семьей, собакой и состарюсь на скрипучей кресло-качалке. Мне этого вполне достаточно.

Казалось, этих слов должно хватить, чтобы пресечь дальнейшие разговоры, но произошло обратное. Услышав меня, Мистер Янг словно почувствовал дополнительный стимул.

Раскрыв губы шире обычного, он энергично жестикулировал и пристально всматривался в мое лицо.

– Вижу. У вас уже сформировано видение этого мира, Мистер Бейкер. Тем не менее учиться всё же придется.

Настойчивый звонок телефона прервал эту бесполезную беседу. Обед был окончен.

Никогда не думал, что смогу настолько обрадоваться этому немного раздражающему звонку. Поблагодарив мистера Янга за приятную компанию и ароматный китайский чай, остаток дня я всеми силами старался держаться подальше от него, опасаясь очередного утомительного разговора.

Тем временем, оставшись один на складе, Акико Юджин Янг открыл верхний ящик стола и достал синюю папку с жирной надписью: **Личное дело – Генри Джозеф Бейкер.**

Глава 6 – По ту сторону двери

Утро началось традиционно: коллектив собрался на инструктаж. Мистер Янг распределил задания и отправил всех по рабочим местам. Но это утро было особенное. После инструктажа мистер Янг задержал меня, положив руку на плечо и произнеся загадочно:

– Пойдемте, у меня для вас одно интересное поручение.

Мы поднялись на верхний этаж, миновав привычную обстановку склада. Здесь, на втором этаже, обнаружилась лестница. Идеальная чистота. Перила сверкали от блеска, а ступени выглядели так, словно по ним не ступала нога человека. Поднявшись по ним, мы остановились перед металлической дверью светло-зеленого цвета. Любопытство захватило всё моё внимание: зачем моему начальнику понадобилось приводить меня сюда?

Распахнув комбинезон, я заметил массивную связку ключей на поясе мистера Янга. Похоже, у него имелся доступ буквально ко всему зданию. Лёгким движением он нашел подходящий ключ, вставил его в замочную скважину и распахнул дверь.

Мы оказались на небольшом участке крыши, изолированном от основного здания. Повеяло свежим воздухом. В глаза резко ударил яркий свет. Первые несколько секунд яркий свет не давал мне открыть глаза.

Сейчас было девять тринадцать утра. Несмотря на октябрь, погода выдалась удивительно мягкой, словно специально для подобного визита. Крыша оказалась обустроенным уголком отдыха: уложенная ровной серой плиткой, украшенная тропинкой из мраморных камешков, с расставленными стульчиками, диванами и компактным аппаратом с газировкой. Радиоприёмник негромко мурлыкал мелодии, создавая ощущение комфорта и безопасности. Прошло совсем не много времени как мне удалось разглядеть небольшой тёмный силуэт, стоящий от меня в двух футах. Это был мой спутник.

Я замер, восхищённо оглядывая открывшийся простор. Город снизу казался игрушечным, погружённый в солнечное сияние. Наслаждаясь великолепием вида, я вдруг услышал лёгкий щелчок: мистер Янг разложил складные стулья и приглашающе указал рукой.

Но прежде, чем усесться, он сделал одну необычную просьбу:

– Прошу вас, снимите обувь и носки.

Площадка была вымощена серой плиткой, посередине пролегала дорожка из мраморной крошки. У стены размещались аппарат с газировкой, лавочка, над которыми негромко играла музыка из старого магнитофона. Сам кусочек крыши представлял собой небольшой прямоугольник, скрытый с трех сторон стенами.

– Прошу вас, снимите обувь и носки. – повторил он веж-

ливо.

Эта идея показалась абсурдной, особенно с учётом состояния моих носков, которые имели несколько дырок и аромат далеко не первой свежести. Собрав волю в кулак, я снял ботинки и поспешил избавиться от носков, стараясь запихнуть их поглубже в ботинки.

К моему изумлению, первая же попытка встать босиком на холодный камень обернулась приятным открытием: пол был тёплым, будто прогретым изнутри. Оказалось, под крышей располагался цех переработки металлов, чьи испарения прогревали потолок.

Это было прекрасное место, куда можно было сбегать минут на пятнадцать и отдыхать от каждодневной суеты.

Наконец мистер Янг приблизился к аппарату с газировкой, нажал кнопку и ловко вытащив две баночки напитка. Затем, удобно устроившись рядом, открыл первую банку и предложил вторую мне.

– Держите, – добродушно улыбнувшись, добавил он. – Отдохнём немного.

Дверь закрылась с мягким щелчком, от которого сразу стало уютнее. Удобно расположившись, мы молчали, попивали холодную газировку и прищурившись всматривались в небо. Прямо под ногами слышались приглушённые шумы городской жизни. Собравшись с духом и сделав осторожный глоток, я нарушил тишину:

– Мистер Янг, расскажите, откуда взялось это место?

Юджин устремил взгляд в пол, его губы сжались в тонкую линию, выражение лица стало сосредоточенным. Спустя мгновение он ответил:

– Всего лишь маленькое хобби, – промолвил он с легкой улыбкой. Сделав ещё один глоток, он небрежно поставил алюминиевую банку на пол и постучал пятками по нагретой солнцем плитке. – Каждый способен на подобное, если захочет.

Ещё раз окинув взглядом площадку, Генри поймал себя на мысли, что всё вокруг выглядит не просто отлично, а идеально. Даже слишком.

– Как вам удалось создать такое в одиночку? – с большой долей любопытства спросил Генри, следя за каждым движением собеседника.

Мистер Янг беспокойно потер ладони о брюки, его взгляд был направлен вперёд, куда-то в пустоту.

– Хм – протяжно прозвучал его голос – Около девяти лет – после короткой паузы он слабо улыбнувшись.

От услышанных цифр глаза Генри округлились до предела, мышцы болезненно напряглись.

– Но как?..

– Шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком, – пояснил он, будто заново переживая прошедшие годы. – Мы ежедневно имеем дело со строительным мусором, значит, ресурсов полно, а времени тем более.

Эти слова остались улетели в пустоту, не получив ника-

кого ответа. Банка газировки в руке Генри была уже пустой. Ему конечно хотелось попросить ещё одну, может и вторую, но излишняя скромность не позволяла ему это сделать.

Посидев ещё немного, мы не торопливо спустились вниз. И знаете, лучшего начала рабочего дня и не придумаешь.

Проходили дни, и каждое утро начиналось примерно так же: Мистер Янг приглашал меня выпить, мы сидели общались, наслаждались свежим воздухом, выпивали одну или две бутылки газировки, вновь надевали свои ботинки и спускались вниз.

Пару раз мы поднимались и вечером. Город загорался жёлтыми красками. И это было круто, правда круто.

Однажды утром мы опять сидели на крыше, ведя привычные разговоры о делах минувшей недели. Обычно обсуждение работы наводило сонливость, но сегодня оно приобретало иной оттенок: каждое слово господина Янга наполнялось особым смыслом.

Во время одной из наших бесед мистер Янг вдруг покашлял – короткий сухой кашель, тревоживший слух. Я растерялся, готовый похлопать его по спине, но приступ закончился быстрее, чем я успел отреагировать.

– Вы в порядке? – вежливо осведомился я, хотя давно получил разрешение называть его на «ты».

Едва уловимая улыбка мелькнула на лице весьма уставшего мужчины.

– Когда тебе исполнится столько же лет, сколько мне, – тяжело вздохнув, ответил он, протирая рукавами вылетевшие капли слюны, – кашель покажется наименьшей из проблем.

Сделав глоток газировки, в моей голове появился вопрос, ответ на который я очень захотел узнать – А сколько вам лет? – спросил я, забыв подумать, что вопрос может показаться бестактным.

Его ответ прозвучал спокойно, без намека на обиду:

– В этом году исполняется семьдесят семь.

Горло сдавило неприятное покалывание, воздух застрял в груди.

– Ка-а-х-е-е-е! – выдохнул я, закрывая лицо рукой. Тонкая струйка чёрной жидкости упала на серую плитку.

– Многие реагируют так же, – заметил Юджин, подавая мне чистый платок. – Азиаты всегда выглядят моложе, хотя большинству не нравятся такие формулировки, но я, к этому отношусь нормально.

Почувствовав, что разговор идёт хорошо, было не плохой

идеей задать ещё один вопрос:

– Сколько же вы здесь работаете?

Старик вдумчиво посмотрел в мои глаза и выдал ответ, правда, совсем не на мой вопрос:

– Знаешь, сорок пять лет назад на этом месте стоял невзрачный рыбацкий магазинчик. Тогда дела шли хуже некуда. Жизнь, экономика, ценности людей – всё было иным. Посмотришь в глаза тогдашних предпринимателей – виделись азарт, риск, дерзость, граничащая с глупостью. Владельца магазина звали Гербертом Норисом. Потерпев череду неудач в Америке, он жаждал поскорее вернуться домой, в Ирландию, продав поскорее свой бизнес, ставший настоящей обузой.

Спустя короткое время к нему заглянул юноша – робкий, бедно одетый иммигрант, говоривший на ломаном английском. Тем не менее, его словарного запаса хватило, чтобы они поняли друг друга. Запросив двенадцать тысяч долларов – огромную сумму по тем временам, ирландец согласился продать тот магазин и всю землю, прилегающую вокруг него. Благодаря удачной покупке именно здесь спустя полвека выросла крупная строительная компания, обеспечивающая тысячи рабочих мест и генерирующая многомиллионные прибыли.

– Надо же, – откликнулся Генри, добавив нотку грусти в голос. – Дайте угадаю, его звали Ит..., какой-то там Джин -?

– Откуда ты знаешь? – с большим удивлением спросил японец.

Генри горделиво скрестил руки на груди и ответил:

– В тот день, когда я приходил сюда устраиваться на работу, я заметил, красивую табличку и там было это имя Ито Джин – не уверенно произнёс он эти два слова – и слова благодарности.

– А ведь и вправду – говорил мистер Янг с поднятыми бровями – она и впрямь до сих пор там висит. Позабыл значит – ответил он коротко.

Мистер Янг демонстративно щелкнул пальцами по пустой банке, та звякнула, упала на плитку и покатила немного вперёд.

– Несомненно, – подтвердил он твердо. – Более того, я лично общался с участниками этой истории.

Получив подтверждение, Генри наострил уши, ожидая продолжения.

– Мистер Янг, прошу, расскажите подробнее.

– Нет никаких мистеров, – улыбнулся Юджин. – Просто зови меня Юджином. Могу подтвердить, что владелец компании жил жизнью, наполненной тяжелейшими испытаниями и страданиями. Никакие достижения, роскошь, престижные автомобили и изысканные блюда не могли заполнить пустоту в его душе.

Первые пять лет после он потерял супругу, детей и всякий смысл жизни. Известная некогда твердость характера

постепенно угасла. Ещё через 3 года после тщетных попыток унять своё говоре в работе, он исчез и его больше никто не видел. На его место в управлении пришли жирножопые зеваки, а затем и их дети и у кого-то уже дети и их детей.

– Случается и такое, – отозвался Генри, вполголоса отметив драматичность рассказа. – Впрочем, трудно поверить, что всё это было на самом деле.

Юджин слегка наклонил голову набок, словно вспомнив далекий эпизод из прошлого.

– Мы встретились однажды. Подошли лицом к лицу, изучали друг друга, смотря на лицо, с таким интересом, словно, в собственное отражение после чего разошлись, не обменявшись ни единым словом,

Генри вытянул шею вперёд и жадно поглощал каждое слова интересного собеседника.

– Какой он был? – нетерпеливо вмешался парнишка, провяля детскую непосредственность и искренний интерес. – Был похож на обычного человека?

Юджин поднял взгляд вверх крыш, рассматривая горизонт, его глаза слегка прищурились, а голос зазвучал сурово.

– Полон жизненной силы, энергией способный осветить комнату, где бы он ни появился. Где ступал он, народ веселился и расцветал. – Старый мужчина сделал глубокий вдох, словно освобождаясь от груза воспоминаний. – Однако богатство, подобно бедности, многогранно. Скоро его огонь погас, оставив лишь тьму и уныние. Сотрудники ощущали

перемены, но предпочитали хранить молчание.

– Вы помните, как его звали? – спросил Генри, испытывая неподдельный интерес

– Ито Джин, – бесстрастно произнес Юджин.

– Ито Джин? – переспросил Генри, в голосе звучала лёгкое подозрение.

– Именно, – утвердил Юджин. – Основоположник всего, что ты сейчас видишь вокруг. Камешки под нашими ногами, деревянные доски, станки, банка газировки в твоём желудке – вся собственность принадлежит мистеру Ито Джину.

С этими словами старик подобрал плоский камушек и сбросил его с края крыши, наблюдая, как тот улетает в глубину городских улиц.

Уловив благоприятный момент, Акико Юджин Янг полез в карман и вынул старинный именной конверт с надписью «Бейкер». Тот был явно сделан вручную и выглядел далеко не первым свежим экземпляром.

– Вот, держи, – тихо произнёс старик, протягивая мне письмо.

Жест старика вызвал во мне недоумение и настороженность. Логика в нём не была никакой, а самое важное – возник неприятный осадок внутри. Я привык доверять своей интуиции, и теперь она громко сигнализировала об опасности.

Старик молча протягивал запечатанный лист бумаги, взгляд его выражал одновременно смирение и ожидание. Моя рука автоматически потянулась навстречу, словно сама собой решала принять конверт. Однако едва кончики пальцев коснулись краешка бумаги, голос старика нарушил тишину:

– Этих денег достаточно, чтобы поступить в любой колледж. Переехать в квартирку поближе и никогда не возвращаться сюда.

При слове «колледж» мое тело стало немного подёргиваться. Ошарашенный услышанным, я машинально опустил руку, отказываясь брать предложенный конверт. Увидев такую реакцию, старик начал тараторить:

– Поезжай... поезжай, ни думай ни о чём. Прямо сегодня. Собери вещи и уезжай без оглядки.

Поднявшись резким движением со своего места, я понял, что должен немедленно убраться отсюда. Остаться здесь, было очень странно, старик казался очень странным. Голова кружилась, сознание затуманилось тревожащими мыслями. Вскочив, я невольно пнул пустую алюминиевую банку из-под газировки в сторону двери, а затем и сам побежал в ту сторону.

Мистер Янг довольно бодро вскочил вслед за мной пытаюсь остановить испуганного мальчишку.

– Нет, Генри, подожди!

Довольно неожиданно старик нагнал Генри и с лёгкостью

прижал к стенке, находящейся возле двери.

Мистер Янг сделал пару жадных глотков воздуха и поняв, что мальчишка не сопротивляется, сказал:

– Это было так давно, что кажется уже ложью, иллюзией, что ты мог придумать в своей голове.

Это было около сора пяти лет назад.

Вернувшись домой поздней ночью, я буквально упал на диван, чувствуя усталость каждой клеточкой тела. Последняя кружка кофе выпита много часов назад, а голова разрывалась от списка нерешённых дел. Утро начиналось прекрасно: ясное небо и куча планов расписанных поминутно, но вот и наступила ночь, и я бреду по улицам Нью-Йорка, освещённый тусклыми уличными фонарями и светом редких автомобилей.

За три года да той злосчастной ночи, я отдал свои последние 12 тысяч долларов за мелкое здание и пустую землю, а сейчас моя компания проектировала дома класса люкс. Тогда идея казалась авантюрной, но судьба распорядилась иначе: мой бизнес взлетел так быстро, что я и глазом моргнуть не успел. Тогда моя компания занимается такими проектами, о которых раньше и подумать было нельзя. Деньги текли рекой, контракты подписываются чуть ли не ежедневно, а я продолжал бегать по кругу, не зная покоя.

Моя жизнь превращается в замкнутый круг постоянной гонки: встречи с клиентами, переговоры с архитекторами,

споры с поставщиками. Нет чётких границ между работой и домом, моим миром становится бесконечная череда встреч и решений. Иногда кажется, что я утратил способность думать о чём-то другом, кроме успеха.

Сегодня вечером завершился успешный ужин с важным клиентом, готовым подписать многомиллионный контракт. Разговор прошёл гладко, сделка закрыта, и я наконец позволял себе немного отдохнуть. Но почему-то возвращение домой тянулось бесконечно долго. Глубоко внутри понимая, что завтра начнётся всё заново: звонки, встречи, конфликты, договоры...

Войдя в свой дом, я сбросил туфли и тяжело присел на диван. Эта тишина невыносимо контрастировала с постоянным гулом офисов и улиц Нью-Йорка. Так странно сознавать, что там, за пределами моих сделок и расчётов, существует нормальная человеческая жизнь, наполненная простыми радостями и искренними эмоциями. Я практически заснул сидя, но тут я почувствовал ужасающий запах, отчётливо пахло кровью. Не знаю, откуда появились у меня силы, но на второй этаж я забежал довольно быстро. Дверь в нашу спальню была открыта.

– Мэй!?! – прокричал что было мочи, но никто не откликнулся. Тогда я решительно забежал в комнату, а... там лежала она.

Подложив себе несколько подушек под спину, она сидела, бледной куклой с перекошенными глазами и засохши-

ми струями крови из-за рта и глаз. Увидев такую картину мой желудок тут же начал выворачиваться на изнанку. Забежав в ванную, я увидел, как в набранной ванне что-то серое и вздутое лежало на поверхности воды. Это был мой младший сын Тоши... он смиренно лежал на поверхности воды головой вниз. Сознание резко помутнело, ноги перестали держать меня, а содержимое желудка фонтанировало прямо в ванную. Руки тряслись мелкой дрожью, слёзы катились по лицу, тело отказывалось слушаться. Я судорожно пытался собрать все куски рвоты, что упали в воду, но их оказалось слишком много – десятки мелких кусков, превращающиеся в кашу. Спустя некоторое время, поняв тщетность попыток, я согнулся в три погибели и, ползком, как подстреленная собака, пополз к телефону чтобы вызвать полицию.

Вскоре до дома стал отчетливо доноситься вой полицейских сирен. Прибывшие патрульные машины и кареты скорой помощи подъехали всего через десять минут. Следовательно осмотрелись и уверенно зашагали внутрь, сосредоточенно изучая обстановку. Криминалистам понадобилось около трёх часов, чтобы завершить свою работу. Время от времени ко мне подходили представители правоохранительных органов, задавали вопросы, содержание которых я практически не помню, ставили разноцветные маркеры-флажки на разных участках места преступления.

Старшего сына в доме не было. Мальчик исчез, похищенный кем-то неизвестным, и никакие требования выкупа

не поступили. Мой старший сын Дейчи пропал бесследно, и никому не известно, куда он пропал.

Спустя пару дней меня пригласили в отделение полиции. Комиссар принял меня в своём кабинете, плотно закрыв дверь. Предложив стакан прохладной воды, он снял верхнюю пуговицу рубашки – в помещении царила невыносимая духота. На лбу проступили первые капельки пота.

Облик комиссара я помню слабо, лишь чёрные густые усы выделялись на бледном лице. Видно было, что ему некомфортно: форма намокла от жары, движения становились медленнее, речь звучала приглушённой и сухой. Говорил он тихо, сдержанно и строго по делу.

Основная версия следствия звучала так: Моя жена утопила нашего маленького ребёнка, а затем наложила на себя руки с помощью яда. Старший сын пропал без вести и не найден и по сей день. Основное предположение, что его передали в одну из развивающихся сект, простирающихся по всему побережью.

Оглядываясь в прошлое, в каждый бессмысленный день и в каждую бессонную ночь, единственное, что я понял наверняка: боль никогда не уходит. Она становится тупее, а ты – сильнее. Ты учишься жить с ней, привыкать к постоянству страдания, но оно остаётся навсегда, оседая в сердце тонкой занозой, которая никогда не уйдёт.

Закончив свой рассказ Мистер Янг, пронизательно смот-

рело в глаза Генри, приложив конверт на уровне груди.

– Не один ты потерял близкого человека... Невидимые нити судьбы связывают нас через общие потери. Мы начинаем глубже понимать друг друга, ощущая что-то на подобие родства, которого зачастую недостаёт окружающим людям. – Дальше он резко стал кашлять себе в кулак согнувшись в три погибели

Генри невольно почувствовал глубокое сочувствие к человеку, пережившего такую трагедию. Старик разогнулся. Оба стояли лицом к лицу, связываемые похожим горем.

После долгой паузы мистер Янг продолжил тише:

– Возьми его. Я... уже старый – его глаза опустились вниз – и кроме этой работы у меня больше нет. И моя самая главная ошибка – его рука с конвертом сжалась на моей груди

– Знаешь, Генри, – сказал он тихо, – я уже старик, и, кроме работы, у меня больше ничего не осталось. А у тебя впереди целая жизнь. Только не повторяй моих ошибок, пожалуйста.

Года пройдут незаметно, сила, здоровье и молодость уйдёт и останутся лишь... сожаления. Живи полноценной жизнью: проживи заботы, приключения, радости и печали. Прочувствуй, что такое настоящая жизнь.

Он говорил вдохновенно, красиво, но тогда мне были абсолютно не нужны никакие миллионы. Да и, честно говоря, старик явно нес чушь. Глядя на него, сложно представить, что он – миллионер, скорее уж страдает психическими рас-

стройствами или попросту выжил из ума. Остаться здесь было бессмысленно, и я решил уйти.

Сделав осторожный шаг в сторону, я случайно наступил на ту самую ба из-под газировки. Послышался неприятный хруст, нога резко скользнула, и я полетел на пол, ударившись головой.

Удар я не почувствовал. Ни вспышки боли, ни страха, ничего. Резкая отключка, после которой наступила всепоглощающая – Тьма.

Через некоторое время.

Очнувшись через несколько часов, Генри недоумевал, что случилось. Голова была туго обмотана бинтом, лоб покрылся липким потом, а спина одеревенела. Он лежал на полу, на жёсткой бумаге, укрытый старой рабочей курткой. Под головой находились его грязные ботинки, чей знакомый запах ничуть не улучшил положение. Всё тело ныло, каждый поворот головы отзывался острой болью. Он оказался в архиве, в той самой комнате, где ранее он прятался от мистера Янга. Дверь была закрыта, но не заперта. Связка больших ключей висела прямо на ручке двери.

Осознать, где я нахожусь, удалось только спустя тридцать секунд. Ещё столько же ушло чтобы вспомнить, что вообще здесь произошло. Небольшой выброс адреналина помог подняться на ноги. Мистера Янга нигде не было. Пропал.

Постояв минуту, Генри почувствовал сильную головную боль. Ноющий затылок болезненно реагировал на любое движение. Образовалась огромная кровотокающая шишка. Нужно было срочно возвращаться домой и подумать, что вообще произошло. Переступив дверь и очутившись на лестнице, мысли постепенно вернулись в строй. Склад был пустой. Тишина была устрашающей. Свет нигде не горел, только пыль поднялась в воздух от постоянных мельтешении.

Иди пришлось медленно, практически на ощупь, преодолевая боль от каждого шага. Решение предстояло важное: обратиться в полицию сегодня или отправиться домой. Пройдя половину пути, на меня напал сильный кашель. Видимо, пролежав несколько часов в полуподвальном помещении дало свои результаты. Воздуха не хватало. Мышцы жгло по всему телу, ощущался спазм живота при каждом быстром шаге. Спустя четверть часа я сумел добраться до выхода.

Главный холл здания тонул в темноте, лишь большие настенные часы еле мерцали тусклым жёлтым свечением.

«Одиннадцать тридцать вечера...» – отметил Генри. – «Ну и вляпался же я!»

Едва он закончил размышлять, как услышал чей-то неразборчивый голос и приближающиеся лучи фонарика.

Удивительно, но моих сил хватило чтобы выбежать из здания и добрать до угла ближайшего дома. Охрана не погналась за мной.

По плечам стали постукивать капли дождя. Так вопрос ре-

шился сам собой. Сейчас – долгая дорожная домой, а завтра можно обратиться в полицию. Настроение было скверное. Я не хотел пить и есть, единственное, что меня волновало это моя постель.

Спустя пару часов, наконец-то вдалеке виднелся мой дом. Одежду снимать не стал, свалился прямо в ней на кровать и уснул. Проснувшись утром, первым делом проверил телефон. Сообщений не было, звонков тоже. Похоже, начальство и коллеги даже не заметили моего отсутствия. Вздохнув с облегчением.

Генри окончательно убедился: сегодня он непременно обратится в полицию, а дальше, пусть разбираются, что там произошло на самом деле.

Глава 7 – Шаг за горизонт

Следующим утром.

Открыть глаза было невыносимо трудно. Не выспался. Головные боли каждые два часа будили меня, вытаскивали из глубокого сна. Невыносимая, ноющая боль заставляла глаза непрерывно слезиться, хотя плакать совсем не хотелось. Надоедливый луч солнца растормошил моё полумёртвое тело. Несколько часов, проведённых в архиве, однозначно привели к простуде, плюс удар об пол... наверняка ещё и сотрясение. Горячая ванна, тёплый чай и пара дней отдыха пришлось бы кстати, но у меня не было времени.

Пискля, который уже должен был уже вернуться, наверняка поможет, ведь, по сути, Мистер Янг не нанёс мне ни физических не психологических травм. Единственное, на что я мог рассчитывать, это отстранение старика или перевод меня на другой склад.

Во рту будто кошки насрали, волосы торчали дыбом, несмотря на попытки привести их в порядок с помощью воды. Видок был удручающим, но перспектива потерять работу пугала сильнее нескольких осуждающих взглядов коллег.

Дорога заняла около сорока минут, но каждая секунда казалась вечностью. Самым тяжелым было сидеть и представлять худшее развитие событий. Прокручивать мысли, вспоминать семью и друзей, но прийти к выводу, что единствен-

ной опорой сейчас является ржавый поручень в старом вагоне метро.

И вот он, центральный вход.

– Давай, двигайся. Ну же, бревно неповоротливое – шептал я себе под нос, стараясь подавить внутреннюю слабость и заставить себя действовать. Запихнув своё тело за тяжёлую стеклянную дверь, шум улицы уступил место тихому гулу, долетающему с дальнего конца коридора. Поступью испуганной мыши, я прошмыгнул в конец коридора. Огромные массы знакомых лиц заполнили пространство, источая негативные вибрации. Стоило бы добавить лишь маленькую искру, и произошло бы что-то интересное.

Диспетчерская №4 никогда ещё не привлекала столько внимания. Бесчисленные разговоры сливались в единый, неразличимый фон, напоминающий мычание крупного рогатого скота.

– Бейкер! Эй, Бейкер! – громко позвал знакомый голос из толпы. Рядом вырос Пискаля. Он схватил мою руку и решительно потянул меня подальше от скопления народа. Ладонь его была влажной, кожа лоснилась от пота, дыхание учащённое и прерывистое. Человека явно что-то беспокоило, но он старался скрыть это за фальшивой приветливой улыбкой.

Отойдя примерно на двадцать футов, он заговорил со мной тихим, уважительным голосом, от которого уши залило теплом.

– Гарри, мальчик мой...

Гарри?! Он назвал меня Гарри?!

– Ты опоздал, а тут столько всего произошло, а до тебя не дозвонишься. В базе твой домашний телефон отсутствует. Думал уже лично заявиться и выяснить, что случилось, – произнёс он таинственным тоном, словно между нами существовало некое сокровенное знание. Судя по его словам, он вовсе не собирался меня увольнять. Напротив, он проявлял небывалую ранее доброжелательность.

Старый седовласый гном слегка опустил голову и, бросив на меня странный, взволнованный взгляд снизу вверх, спросил:

– Где Юджин? Юджин Янг. До меня дошли слухи, будто вы часто проводили время вместе. Исчезли оба разом. Хорошо, что ты объявился. Но мне нужен он. Скажи, где он?

С каждым словом, его напор нарастал с удвоенной силой. К концу предложения голос зазвенел подобно крикам обезумевшей мартышки. Очевидно, он искренне считал, что я владею каким-то особым знанием, которым намеренно уклоняюсь поделиться.

– Как раз о нём я и хотел поговорить мистер Лоран. Мистер Юджин...

– Эге-гей, зеваки расступитесь! – выкрикнул чей-то голос из толпы. – Освободите доступ, уберите от него свои руки, ноги и прочие выступающие части тел. Мистер Лоран, что вы тут натрепали молодому человеку? – услышав этот голос,

мистер Лоран встревожился, узнав его обладателя и выразив явную антипатию к собеседнику. – Очаровательные дамы из кадрового отдела уже заждались вашего внимания. Итак, – хлопнул незнакомец мистера Лорана по плечу, – идите-ка, дорогой, и забирайте свою группу поддержки.

Эта быстрая реплика пролетела так стремительно, что ни я, ни Бернард толком не поняли, что вообще происходит. Мужчина в экстравагантном фиолетовом костюме с галстуком в форме ящерицы, взяв меня под локоть, уверенно повел к выходу.

– Идём вперёд и ни в коем случае не оглядывайся, – коротко распорядился он. Его властный голос внушал доверие и подчинение каждому произнесенному слову.

На улице буйствовал штормовой ветер, склоняющий вершины деревьев. Устойчиво стоять было невозможно. Мне совсем не хотелось куда-то ехать. Единственной мечтой в тот миг было оказаться дома, запереться в квартире и заснуть в теплой пенистой ванне под негромкий плеск пузырьков.

Черный лимузин марки Lincoln, припаркованный прямо у входа, терпеливо ожидал своего пассажира. Водитель, крупный африканец с пухлыми губами, одетый в белоснежную рубаху, явно мелковатую для его размеров, открыл дверь автомобиля широким жестом, недвусмысленно предложил мне присаживаться.

Оказавшись в салоне, я быстро оценил приятное тепло и ароматизированный запахом ментола в воздухе.

Водитель ловко захлопнул дверь и занял свое место за рулем. Машина двинулась вперед, увлекая меня в неизвестность.

Однако мой спутник не сел в автомобиль. Он лишь заглянул в окно и, громким, но весьма дружелюбным голосом, обратился ко мне:

– Мистер Бейкер, – в тот момент, когда наши взгляды пересеклись, на его лице появилась мягкая улыбка. – Вас доставят домой. Ваш телефон оставьте выключенным. Дверь никому не открывайте. Если кто-то придёт, помимо меня, никому не открывайте. Скажите, что замок сломался, дома нет взрослых или скажем, ваша любимая бабушка Бёртхер умирает от лихорадки в соседней спальне. Будьте находчивы, действуйте мастерски. И запомните – никому не открывайте.

Затем он вытащил голову из окна, и засунул обратно, словно вспомнив что-то важное, и добавил:

– Кстати, меня зовут Джеймс Фикс, ваш адвокат.

Его ноздри слегка подёргались, мне показалось, что он учуял мой трёхдневный запашок. Он старался не подать виду, но я заметил.

– Еще одно, мистер Бейкер. – добавил он напоследок. – Примите душ и выспитесь. Завтра, вы проснётесь новым человеком. Это я вам гарантирую.

Закрыв окно, он дважды стукнул по крыше автомобиля. Машина плавно тронулась по дороге. Лёгкое покачивание

усыпило прямо в машине у незнакомца. Меня разбудили уже у самого дома. *Спасибо* водителю прозвучало автоматически, и я пулей юркнул в дом, захлопнув дверь на все замки. Лимузин не уехал сразу, подождал несколько минут, словно ожидая дальнейших инструкций, а затем плавно развернулся и умчался за ближайший поворот.

Утро следующего дня выдалось великолепным. Я проснулся в любимой кровати и не испытывал желания покинуть её. На мне была любимая пижама: коричневые штаны и майка с криво нарисованными далматинцами.

Раздался громкий стук в дверь.

Ах, как бы мне хотелось, чтобы всё это оказалось неправдой. Изнуряющий, бесконечный стук неумолимо барабанил с первого этажа. Надев тапочки, я бесшумно спустился вниз. Сердечные удары совпадали с ритмом ударов в дверь, вызывая легкое покалывание в груди. Прислонившись к стене, я замер в ожидании. Если это тот, о ком я догадываюсь, он просто так не оставит меня в покое.

И вот долгожданная тишина прервалась знакомым голосом:

– Мистер Бейкер, это я – Джимми. Мы с вами вчера познакомились.

Осторожно сдвинув штору, я украдкой выглянул в окно. Высокий, мужчина в ярко-синем костюме с пробором волос на правую сторону.

– Мы вчера разговаривали, – уточнил он. – Хэршел, мой водитель, вчера доставил вас сюда на моей машине. Откройте дверь, пожалуйста.

Щелчок замка.

Демонстративно вздохнув, Генри предложил войти этому странному, но явно неопасному человеку:

– Заходите.

– Вот и ладушки, – ответил Джимми, поправляя свои редкие волосы на голове. – Значит, вы и есть тот самый Генри Джозеф Бейкер.

Он выдержал театральную паузу, затем его голос приобрёл оттенок смущения:

– Приемщик мусора...

– Сортировщик – исправил я его – мы принимаем бракованные строительные материалы, а не мусор, – скрестил руки на груди.

Адвокат одарил меня дежурной улыбкой, демонстрируя полное равнодушие к моему возражению. Нервно прохлопав в ладоши и повторяя слово «блестяще» разными интонациями, он принялся рассматривать комнату. Блестящий стол, блистательная прихожая и так далее.

Решив положить конец неловкой прелюдии, я перешёл к главному:

– Собственно, кто вы такой?

Задавая вопрос, я за ранее знал, что передо мной стоит совсем не просто человек. Хоть его прикид был слегка неле-

пым, его поведение и манеры явно говорили о высоком положении в обществе. Самоуверенность соседствовали с дешевым парфюмом и ярким синим костюмом, украшенным узором облаков.

Услышав мой прямой вопрос, Джимми развернулся и грациозным жестом подал визитку:

– Джеймс Фикс, представитель закона города Нью-Йорк. Для друзей – просто Джимми. Самый лучший и блестящий адвокат восточной части Нью-Йорка.

Завершив представление эффектным хлопком в ладоши, он излучал мощную энергию. Причина такого поведения оставалась загадочной: то ли кофе, то ли алкоголь, то ли доза какого-то стимулятора – догадаться было сложно. Интуитивно я чувствовал, что он безвреден, но сомнения всё же оставались.

Протянутую руку, увешанную безвкусными кольцами, я пожал осторожно. Прикосновение оказалось невероятно легким, словно я держал детскую ручку.

– Эм-м... – замялся Джеймс, очевидно ожидая моей реакции, но я был поглощен изучением его внешнего вида. Судя по всему, ему было около сорока пяти лет, но выглядел он значительно моложе своих сверстников.

Предложив продолжить общение в гостиной, адвокат собрал с дивана несколько пустых пачек из-под чипсов и предложил мне занять место напротив, в удобное кресло Деборы. Расслабленно устроившись на диване, он расстегнул

центральную пуговицу пиджака, явно ощущая некоторую неловкость, но сохраняя внешнюю учтивость.

Первым делом я подумал о Юджине Янге. Что же такого сотворил мой пожилой товарищ, что знаменитый адвокат счёл нужным лично приехать в гости к простому рабочему склада.

Передо мной на столе лежали два белых конверта. Незнакомец бросил хитрую улыбку, намекая, что содержимое может быть неожиданным. Тонким пальцем он указал на один из них, постучав дважды, словно предлагая сыграть партию.

Распечатав первый конверт и прочитав пару строк, суть стала ясна: это заявление об увольнении, датированное тремя днями ранее, когда мистер Янг ушел, оставив меня на полу в архиве. Оставалось лишь поставить подпись.

Помедлив, я неуверенно подписал документ. Почерк получился неровным, смесь имени и детских каракуль. Легкость в душе мгновенно сменилась внутренним тремором.

– Это всё? – спросил я неуверенным голосом, надеясь, что история закончится моим заявлением.

Адвокат торжественно объявил:

– Блестяще! – и сопровождая своим хлопком, продолжил:

– Теперь перейдем ко второму конверту, мой друг был уверен, он произведет на вас неизгладимое впечатление.

Вероятнее всего, там

Но внутри лежал аккуратно сложенный лист бумаги:

Дорогой Генри.

Если говорить на чистоту, я был спешен, напорист и возможно не учтив к тебе. Возможно, ты побоялся какого-то странного старика, пихающий тебе какой-то конверт. Но – это правда. Всё, что я тебе рассказал правда.

Я действительно потерял жену и детей. Мои предки родом из далекой, трудолюбивой страны. Не отрицаю, что был вариант по-другому пережить своё горе и не утопать с утра до ночи на работе, но я такой какой есть. У меня не было человека, который взял бы меня за руку и попытался открыть мне глаза.

У меня рак, мне осталось действительно не долго. Остаток времени я хочу провести наедине с собой, но напоследок, я прошу тебя, прими то, что передаст тебе мистер Фикс.

Надеюсь, твоя голова в порядке.

Всего доброго, мистер Бейкер.

Ито Джин.

Когда мои глаза достигли последней строчки, передо мной предстало больше вопросов, чем ответов.

– Ито Джин?

– Абсолютно правильно, – подтвердил мистер Фикс, готовый перехватить шквал моих последующих вопросов.

– Но ведь его настоящее имя – Юджин Янг, верно? Все называли его именно так. Разве он мог обмануть целую компанию, используя поддельное имя?

– Давайте посмотрим фактам в лицо, мистер Бейкер, – вступил Джеймс серьезным тоном. – Ито Джин реально существовал. Имя «Юджин» – всего лишь творческое преувеличение блестящего ума. Ито был моим многолетним партнером, равноправным коллегой, хотя формально занимал должность руководителя. Юджин – всего лишь маска, иллюзия, созданная, чтобы спрятаться от суровых сторон действительности.

– Мистер Фикс... Он действительно умирает-?

– Мистер Бейкер, все мы кто-то умрём. Кто-то раньше, кто-то позже, главное, как мы распоряжаемся временем, что нам отсчитано. Кстати! – прокричал он во всех голос – Времени действительно осталось мало, давайте подпишем бумаги, и отправимся в банк.

– Мистер Фикс...

– Просто Джими, – перебил он меня. – Я прекрасно понимаю, что вы хотите спросить. Нет, я не знаю, где он сейчас и что с ним. Два дня назад вечером я получил последнее распоряжения. После нашей короткой встречи я больше не видел Джина.

– Джими...

– Блестяще, – снова перебил он меня.

– Где мистер Юджин? А как же мистер Лоран? Фергус? Остальные сотрудники S.E.C. («Простой и легкий выбор»)? Они знают обо всём этом?

– Сотрудники знают лишь, что со вчерашнего дня поме-

нялось руководство. Они осведомлены, что с ними работал мистер Ито, который продал весь пакет акций и лично составил список людей под сокращение. Могу предположить, вы догадываетесь, почему он так поступил. Даже если бы они знали больше, – он активно жестикулировал руками, – кому интересна реакция обычных зевак?

Внезапно Генри встал и начал обуваться.

– Куда вы направляетесь, мистер Бейкер? – спросил он тоном, выражающим явное неодобрение.

– На крышу. Думаю, он всё ещё там. Это единственное место, куда он мог пойти.

Но ручка двери не поворачивалась. Замок громко щёлкнул, и сзади послышался металлический звук ключа. Каблуки Джеймса стучали особенно громко.

– Я заблокировал дверь на случай подобной ситуации. Эта глава завершена, страницы уже не переписать. Для меня этот человек многое значил. Если бы не он, я бы не стал адвокатом. Его щедрость и наставничество дали мощнейший старт моей карьере. Для меня он был воплощением Бога в человеческих одеждах. Пока мы не закончим начатое, никто никуда не выйдет. Уверяю вас, я не собираюсь вводить вас в заблуждение. Скоро мы отправимся в банк, подпишем нужные документы, и моя миссия завершится.

Посмотрев на часы, Джими едва заметно улыбнулся.

– Управимся за сорок минут. Нам пора, мой друг.

Щёлкнула защёлка, дверь открылась, но Джеймс не дви-

гался с места.

– Я с вами никуда не пойду, – категорически заявил Генри и, съехав по стене, сел на пол.

Джеймс Фикс снял пиджак, небрежно бросил его на пол и присел на него рядом с Генри.

– Хотите идти или нет – не имеет значения. Вы слишком много боитесь: Вы закрываете двери на все замки, зашториваете шторы, плотно закрываете шторы по всему дому. – Джеймс Фикс покрутил головой в разные стороны, чтобы попытаться понять собеседника. – Вам трудно даются перемены в жизни-?

Генри сидел, неподвижно уткнувшись глазами в пол.

– Вам нужно набраться смелости. Именно этого и хотел добиться Ито Джин – чтобы вы перестали бояться и приобрели уверенность. – Он твердым и спокойным голосом смотрел прямо в глаза. – Прекратите вести себя как тряпичная кукла и дайте возможность специалисту выполнить свою работу. – Его голос изменился, став ровным и проникновенным. – Одно могу сказать точно: жонглировать воздухом он умел – блестяще.

– Мистер Фикс, объясните мне ещё раз, своими словами, что здесь вообще происходит? – В глубине души меня захлестывал настоящий водоворот противоречивых ощущений. Я не чувствовал ни радости, ни грусти, ни веселья, ни страха, это было что-то другое. Внутри царило странное, неопределённое чувство, начавшееся где-то в затылке и распростра-

нившееся до кончиков пальцев.

– Всё элементарно, – пояснил он, растягивая слова так, чтобы понял даже тугодум. —

Вам предоставили некий денежный счёт. Нам нужно проехать в банк, сделать несколько формальных вещей и на этом всё будет закончено.

– Но я не хочу идти в колледж, – с лёгкой обидой проговорил я. – Я уже говорил, что не планирую менять свою жизнь. Мне хочу оставить всё как есть.

– Чудесно! – вдруг резко вмешался он. – Вы не хотите получать образование – прекрасно! Никто не заставляет вас учиться. – Мистер фикс отвернул голову – Я уж точно. Можете направить деньги на благотворительность, подарить первому встречному или же попивая бренди провести вечер в компании легко-сговорчивых девиц. Грань фантазий определяется лишь вашим воображением!

После такого агрессивного монолога он взял себя в руки и спокойно добавил:

– Деньги не несут абсолютно никаких моральных обязательств. Не совершайте классическую ошибку всех идиотов – не становитесь им.

Под таким давлением меня сопроводили в машину, и мы отправились в банк. Меня препроводили в отдельное помещение, проверили мой паспорт и выдали официальный документ, где красовалась впечатляющая сумма – почти одиннадцать миллионов долларов.

Я уже не помню, что говорили банковские сотрудники. Они что-то бессвязно лепетали, улыбались, пытались поймать мой взгляд, но моё сознание полностью захватила огромные цифры.

Выйдя на улицу, нас ожидал чёрный «Линкольн», с тем же чёрным водителем, кажется его звали Хэршел.

Дальнейший путь лежал ко мне на работу. Нужно было забрать вещи, хотя по большому счёту забирать было нечего. Мистер Фикс ожидал меня возле моего склада, но, а я в свою очередь побежал на крышу. В тот самый укромный уголок, где мы сидели с Мистером... как вообще теперь называть его...

И вновь эта зелёная дверь и эта лестница ведущая на крышу. Дверь была открыта. С прошлого визита здесь ничего не изменилось. Старые стулья, скамейки, автомат с газировкой. Место потеряло свою волшебную ауру. Вскоре плитки начнут трескаться, полы покроются грязью. Через год автомат покроется толстым слоем пыли, а деревянная мебель сгниёт от дождей и снега.

Я достал телефон, надеясь, что сейчас, именно здесь, нажав нужную комбинацию цифр, мне ответит либо мистер Янг, либо Ито – неважно кто. Я должен был услышать его голос.

Несмотря на холодный и мрачный воздух, я не стал уходить. Наоборот, набрал номер. Обычно я терпеть не мог телефонные разговоры, но сейчас звонок был неизбежен.

Номер не обслуживается – сообщил мне записанный женский голос, после чего прозвучало три коротких гудка.

Убрал телефон в карман и в последний раз, посмотрел на вечерний город, в голове витала лишь одна мысль: неужели, я вас больше никогда не увижу-?

Глава 8. Подарок на Рождество

Чтобы осознать происходящее, мне потребовалось несколько дней. Важнее всего было понять, что делать дальше. Казалось бы, когда у тебя ничего нет, любой шаг может оказаться верным. Однако свежие идеи не посещали меня уже очень долгое время.

После уплаты всех налогов у меня осталось средств на пять жизней вперёд. Радость вспыхнула ярко, но оказалась быстротечной. Даже выйдя из банка с нужными документами, я продолжал мучиться вопросами:

Действительно ли всё это произошло? Не ожидает ли меня за ближайшим углом кто-то в чёрной маске с острым клинком длиной четыре дюйма? Есть ли гарантия, что завтра или через неделю кто-то не придёт за этими деньгами-?

Постепенно я осознал: наличие денег не гарантирует ни уверенности, ни безопасности. Они лишь обострили мои страхи и опасения. Теперь передо мной стоял выбор: примириться с новыми условиями или воспользоваться уникальным шансом, который мне предоставила судьба, и построить собственную счастливую жизнь.

Мистер Фикс покинул меня, но напоследок предупредил, что я могу обращаться к нему в любое время. Безусловно, он был необычным человеком – импульсивным, эксцентричным, непредсказуемым. Однако, вопреки странностям, я до-

верял ему.

Канун Рождества

Свободного времени теперь было море, и я проводил его дома. Двое моих лучших друзей заканчивали очередной семестр и собирались вернуться домой. Сегодня наконец-то наступал день нашей долгожданной встречи. Они должны были прибыть поездом, после чего мы отправлялись в арендуемый мною нами домик.

Мой путь лежал на вокзал Grand Central Station. Договорились встретиться в городе, но я решил устроить сюрприз и пришёл заранее, зная точное место и время прибытия поезда. Я не рассказывал друзьям о событиях последних месяцев, предпочитая дождаться подходящего момента. Пара банок пива, дружеская беседа – нужное слово найдётся само собой.

Солнце отражалось в автомобильных дисках. Оказавшись здесь, я впервые за долгое время предоставилось возможность понаблюдать за людьми. Их семьями, попробовать впитать праздничное настроение, которого у меня никогда не было. Приятно было окунуться хотя бы ненадолго в чужие жизни, запечатлев от них что-то важное, хотя я и сам не знал, что именно.

Люди вокруг носили подарки – яркие коробки, перевязанные золотой лентой, проходили мимо меня, словно мимо фонарного столба. Маленькие дети капризничали, буты-

лочки брэнчали, автомобили сигналили, праздничные колокольчики звенели. Шум голосов и музыки заполонил слух, создавая бесконечную симфонию.

Однако через секунду всё это стало неважным.

Толчок в спину чуть не сбил меня с ног. Мир на мгновение замер: звуки утихли, прохожие исчезли. Мимо меня пронеслась девушка, поразительно похожая на мою мать. Хотя я тут же понял, что это не она: у матери был широкий, квадратный подбородок, а у этой девушки – мягкий, аккуратный, с небольшой ямочкой посередине. Зато густые черные волосы, пухлые губы и голубые глаза напомнили женщину, которая однажды ушла из моей жизни.

Одарив меня выразительным взглядом, полным безразличия, она быстро пошла прочь, игнорируя столкновение. Девушка выделялась среди прочих не только высоким ростом и красивой лебединой шеей, но и чем-то странным, будоражащим, перебившим моё дыхание. Её длинные ноги, спрятанные в старые чёрные джинсы, помогли ей быстро удалиться от меня. Она явно спешила, но куда именно – оставалось загадкой.

Чтобы догнать её, мне пришлось бы совершить невероятный рывок, на который мой ленивый организм явно не был рассчитан. Однако уже через пару секунд я вновь заметил её в толпе. Сделать это было несложно: Куртка была затёртая, болотного цвета, шапки не было, а единственная красная сумка, перекинутая через плечо, выглядела совсем ста-

рой и изрядно потрёпанной. На ногах были разные кроссовки, подумал – она уходила в спешке. Возможно, чья-то дочь или жена – но такие мысли я сразу отбросил прочь. Даже предположение, что мне выпадет шанс хотя бы приблизиться к ней, поговорить, спросить время или притвориться туристом, казалось абсурдным.

Подобное представить невозможно, даже мозг сопротивлялся подобным фантазиям.

Её быстрый шаг замедлился. Девушка остановилась у табло с графиком отправления и внимательно изучала маршруты. Я оказался рядом, спрятавшись среди зевак. Расстояние между нами составляло всего пару шагов. Она стояла неподвижно, будто ища что-то важное среди множества чёрных строчек на экране.

И вдруг, словно невидимая нить протянулась между моей рукой и краем её плеча. Впервые в жизни каждый нейрон моего пассивного мозга отчаянно приказывал телу немедленно действовать. Мир вокруг замедлился в тысячу раз. Мысль «что я делаю и зачем?» промелькнула в сознании со скоростью молнии. Но было поздно: пальцы уже коснулись её плеча.

Она оказалась реальной, настоящей, а не плодом моего воображения. Отпускать мне её не хотелось – казалось, моргну ещё пару раз, и она исчезнет, рванёт к платформе и уедет в неизвестном направлении.

Зайдя сбоку, я слегка приподнял брови и втянул щеки,

полагая, что такое выражение лица сделает моё лицо чуть привлекательнее.

Робким нажатием двух пальцев я всё же решился побеспокоить девушку. Страх отсутствовал – я чувствовал, что эта встреча судьбоносна, и доверял собственным ощущениям.

От неё веяло ароматом лаванды. Я даже не предполагал, что знаком с этим запахом, но сомневался, понравился бы он мне на ком-то другом. Впрочем, это уже не имело значения. Готовясь к первому слову, я сделал глубокий вдох:

– Добрый день, – произнес я с несвойственной мне уверенностью. – Вам стоит избегать столкновений с незнакомыми мужчинами.

Девушка резко обернулась, испуганно взглянув на меня большими глазами, но уже через мгновение её взгляд снова стал холодным и равнодушным. Чёрные брови нахмурились, лицо приняло недовольное выражение:

– Мы знакомы? – спросила она недоверчиво.

Мир вокруг меня померк: улицы потускнели, свет исчез, а по коже побежал морозец. Оказалось, она меня совершенно не узнала. В груди появились фантомные боли.

Повисла неловкая пауза.

– Иногда я разношу листовки, буклеты, письма на дом, – произнесла она равнодушно. – Я приносила вам почту-?

Хотя я раньше её не видел, решил поддержать игру:

– Да-да, – прозвучало подозрительно неуверенно, но девушке было явно всё равно.

Она вновь посмотрела на табло, игнорируя моё присутствие.

– Кстати, меня зовут Генри, Генри Бейкер, – произнёс я, поправляя волосы.

– Эмма, – произнесла она на медленном выдохе.

Что и следовало ожидать: красивая девушка, а я – муха, пролетающая за окном. Нужно было сказать что-то цепляющее, иначе весь оставшийся день буду корить себя за свою нерешительность.

Но, прежде чем я успел произнести хоть слово, она уже направилась к билетной кассе. Моя бледная тень следовала за ней, охваченная любопытством. Куда же она так спешит?

– Здравствуйте, – обратилась она к кассиру усталым голосом.

Женщину с крупным лицом, высунутое из окошка. Женщина, весьма неприятной наружности посмотрела на неё исподлобья:

– На какой маршрут будете брать билет? – спросила она с неприкрытым высокомерием.

– Нью-Йорк... Сан-Франциско, пожалуйста, – произнесла Эмма, слегка запнувшись.

Услышав «Сан-Франциско», я почувствовал, как печаль распространяется по телу ядовитым сорняком. Это же противоположенный край страны. Такая чудовищная несправедливость. Решив не быть назойливым гадом, я поспешил уйти. Но последнюю фразу я всё же уловил:

– Может, есть билеты подешевле? «Должны же быть варианты», – говорила она, надеясь, что суровая тётка, очерствевшая временем, проявит хоть немного сочувствия.

– Девушка... – начала она, медленно растягивая слова, словно имела дело с человеком, напрочь лишённым мозгов. – Я сказала, самый дешёвый билет до Сан-Франциско стоит 564 доллара. Покупаете или нет? Не тратьте моё время. Цены в праздники всегда такие.

Эмма открыла свою красную сумку и принялась искать деньги, которых там заведомо не было. Раздражённая до кипения женщина с удовольствием захлопнула створку и принялась разворачивать сэндвич, завернутый в фольгу.

Генри развернулся и решительно направился к окошку. Эмма, в свою очередь, не вынимая рук из сумки, пятилась к дороге. Мягко положив ладонь между её лопаток, я слегка подтолкнул её обратно к окошку.

– Подождите минутку, пожалуйста, – произнёс я, наклоняясь к её уху. Её взгляд вновь удивил меня: глаза выражали лёгкое опасение, черты лица демонстрировали скептическое отношение к моим действиям.

Несколько раз постучав по окошку, я страстно желал сотворить чудо, хотя бы для одного человека. Прожорливая дама уже вкусила кусок своего сэндвича, оставивший майонезный след на её подбородке. Она вновь открыла своё окошко.

В горле немного запершило.

– Мне нужен один билет до Сан-Франциско, пожалуйста-

ста, – сказал я.

Женщина закатила глаза, не стесняясь всем видом показывать недовольство:

– Вы издеваетесь?! – грубо крикнула она. – Думаете, я вас не заметила? Вы стояли рядом и прекрасно слышали. Не притворяйтесь дураком! – Несколько капель слюны попали на мою левую руку. – Сколько вас там ещё? Я не намерена повторять одно и то же каждому.

Театрально протирая левую руку, я уточнил:

– 564 доллара, если я правильно понял, – уточнил я, на секунду оглянувшись через правое плечо, чтобы убедиться, что мой диалог ведётся не впустую. Она всё ещё стояла там, но вряд ли слышала, о чём идёт речь.

Вернувшись взглядом к женщине, я столкнулся с её недовольным взглядом.

– Есть что-нибудь получше? – спросил я с ухмылкой, наблюдая, как на лице женщины проступают мимические морщины.

«Синди», – значилось на её бейджике. Синди подняла бровь, оценивающе взглянула на меня и объявила:

– Мужчина, я работаю здесь не первый день. Покажите деньги или я закрою окошко.

– Послушайте, миссис... – начал я.

– Мисс, – поправила она меня. – Мисс Смитт.

– Мисс Смитт, скажите, остались ли хорошие места?

Синди демонстративно постучала по клавиатуре, ожидая

моего поникшего взгляда.

– Остались только люксовые места, так называемый Soft Class. Питание, бельё, всё включено. 1420 долларов. «Оформляем?» – произнесла она, обнажив длинные, поредевшие зубы.

Однако, увидев перед собой 15 банкнот с изображением Бенджамина Франклина, её лицо заметно изменилось. Опустив глаза, она быстро выдала билет и положила сдачу.

Обернувшись, я увидел Эмму, слегка покрытую снегом, застывшую метрах в шести от меня.

– Возьмите, пожалуйста, билет на поезд, – сказал я, выдержав многозначительную паузу. Неловко, но продолжать было необходимо, иначе сердце вырвется из груди и забрызгает её лицо.

Вложив билет в её холодную руку, я наконец-то смог хоть на мгновение прикоснуться к ней.

– Возьмите этот билет. Это просто подарок, ни к чему не обязывающий, – пришлось отпустить её руку. Её глаза слегка прищурились, а взгляд проникал в самую суть моей души.

– Нет, спасибо. Лучше верните билет и заберите деньги. Мне уже пора. Спасибо, мистер.

Мои ноги ослабли, пальцы ног сжались от злости, икроножные мышцы свело болью. Тем не менее, именно эта боль не дала мне так быстро сдаться.

– Эмма, вас ведь так зовут? Я очень прошу вас, возьми-

те билет. Если испугалась, примите мои извинения. Возьмите его, и вы больше никогда меня не увидите, – никогда прежде я не унижался перед кем-либо. Это было отвратительно, но любые средства хороши, чтобы добиться желаемого.

– Но позвольте заметить, – добавил я напоследок. – Билет только на завтра. Вернитесь домой, проведите праздник с семьёй, а завтра в 15:30 вас будут ждать в третьем вагоне.

Каждая такая пауза добавляла мне всё больше седых волос.

– Ц-ц-ц-ц-ц-ц, – вырвалось у неё изо рта. Она смотрела на меня, словно я прозрачен, бросая взгляд через моё плечо. Спустя мгновение её глаза опустились вниз и начали метаться в разные стороны.

– Послушайте, мне сейчас некуда идти. Ваша доброта лишь усугубила ситуацию, – призналась она.

– Тогда, может быть, вы пойдёте с нами? – слова сами собой сорвались с моих губ. Я был несказанно рад, что смог их произнести, хотя и понимал, что услышать согласие маловероятно. Но вдруг, Эмма, крепко схватив мой рукав, она потащила меня к стоянке такси.

Уехать я не мог: скоро должны были приехать Эрик и Фрэнсис. Но события развивались так стремительно, что я опомнился лишь когда машина понеслась прочь от станции. Достал телефон и отправил Эрику сообщение с указанием адреса и коротким комментарием: «Объясню при встрече».

Телефон зазвонил. Это был не мой аппарат. Эмма нервно запустила руку в рваные карманы своей сумки, с озабоченностью посмотрела на экран и приложила трубку к уху. Водитель гнал по трассе довольно быстро. Путь был не близкий, а ему, видимо хотелось успеть выполнить побольше заказов. Придя в себя через пару минут, водитель спросил адрес пункта назначения.

– Розвуд-Лейн, 94, пожалуйста.

Чем ближе мы подъезжали к окраинам города, тем сильнее замедлялась машина. Пробки, 6 баллов. Путь лежал на восток. Первые полчаса мы проехали в полном молчании. Слова и не требовались: я получил то, о чём мечтал, и надеялся на большее.

Автомобиль въехал в пригород. Машин становилось всё меньше, вокруг простиралась белая снежная пелена, тянувшаяся на мили вокруг. Атмосфера располагала к разговорам, но Эмма полностью игнорировала меня. Она задумчиво смотрела на проезжающих мимо машины, постукивала пальцами по телефону и гоняла мысли по кругу. Будет ложью сказать, что меня это устраивало. Мне хотелось завязать беседу, услышать её голос, взглянуть на её лицо. Ни единого взгляда, ни единого слова, словно меня здесь и не было.

Наконец машина достигла пункта назначения. Сумерки уже опустились, когда мы входили в дом. Она не позволила мне нести её сумку, вцепившись в неё, словно в ней хранилась вся её жизнь. Дверь захлопнулась, и за окном раздался

противный звук удаляющейся машины.

Эмма казалась странной. Она раздражала и очаровывала одновременно.

Дом был идеальным воплощением красоты и порядка. Красный кирпичный фасад, бордовые двери с белыми рамами и золотистым ручками, высокие окна, прикрытые зелёными шторами. Кругом стояла гробовая тишина. Соседи жили далеко, и их дома казались мёртвыми: ни огня, ни музыки, ни признаков праздника. Ближайший свет виднелась лишь через несколько зданий от нас.

Бухта Хейграунд – была живописным, но непопулярным местом. Для простых, семейных работяг, это место было совсем не по карману, а для богачей, и вовсе, не доставала престижа. Красивое оказалось место, хоть и слегка отдалённое.

Переступив порог, я почувствовал, как в моей голове перемешался шипучий коктейль полезной информации – фрагменты из жизни, фильмов, книг. Мозг упорно искал ту тонкую ниточку, за которую стоит ухватиться, чтобы понять, как поступить дальше. Кто бы мог подумать, что такие мысли появятся в моей голове.

Сбросив вещи на ближайший стул, я хотел сделать красивый жест – что-то уместное, тактичное, приятное. Но ничего подходящего не приходило в голову. Попробовал надеть ей тапочки на ноги. Сначала она дернулась, но потом позволила это сделать.

Изнутри дом не казался таким сказочным и гостепри-

имным, как снаружи. Холодно, промозгло, без намеков на праздничное настроение. Необходимо было срочно его обогреть.

В конце гостиной стоял старый камин – пять футов в высоту и семь в ширину. Рядом лежала стопка дров и острый нож, любезно оставленные хозяевами. Но ни спичек, ни розжига поблизости не оказалось. Мы заплатили 870 долларов, а владельцы не оставили спичек или зажигалку. От холода ноги покалывало, а Эмма слегка дрожала, хотя и пыталась скрыть это.

Ранее мне никогда не приходилось разводить камин, особенно под пристальным взглядом зрителя. Пошевелив извилинами, стал очевиден простой рецепт: Поленья, бумага, благо, зажигалка у меня была. Проблема в том, что бумаги у меня не было, а исследовать весь дом означало продемонстрировать свою некомпетентность. Тогда я решил нарезать бересту – это дало бы мне несколько минут, чтобы придумать следующий шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.